

A watercolor illustration of a city street scene. In the center, a red tram is moving along a track. To the left, a tall clock tower with a white face and a dark top is visible. The street is filled with various elements like cars, pedestrians, and overhead power lines. The overall style is soft and painterly, with a warm, golden-yellow light. A white rectangular box with a black border is centered in the upper half of the image, containing text.

- Сергей Куреев -

**ВОЗЛЕ
ЧИСТЫХ ПРУДОВ**

12+

Сергей Киреев
Возле Чистых прудов

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Киреев С. В.

Возле Чистых прудов / С. В. Киреев — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

"Возле Чистых Прудов" - сборник песен и стихов московского поэта Сергея Киреева (р.1956). В сборник включены произведения разных лет, в него входят песни и стихи о любви и дружбе, о спорте, горных и водных походах, о труде металлургов, о различных событиях из жизни автора и его друзей. Книга издана в 2017 г. в издательстве "Скифия" (Санкт-Петербург, тираж 1000 экз.) и продается в интернет-магазинах. Дизайн обложки: П. Домбровский. Коллаж: Ершова О.Е.

Содержание

Предисловие	6
Раздел I	7
«Вчера я в полночь-заполночь чаевничал у Ньюки...»	8
Вишнёвый сад	12
«Она хранила в сердце, словно в сейфе...»	15
«Полюбила мента, аж мурашки по коже...»	17
«У солдата на сердце ненастье...»	18
«Увы! Октябрь уж наступил! И все по новой, все по кругу...»	19
«Слякоть, стужа на дворе, и заняться нечем...»	20
«Я Андрюху, друга, тыщу лет не видел...»	22
«Ну, Вась, ну что ты сразу так хватаешь под микитки...»	25
«Колюня с дудкой бегаёт под хохот лягушачий...»	26
«Жизнь меняется, как будто я в блокноте...»	29
«Из отчего дома – со страху...»	31
«Колька мой в Америку попал...»	34
«Дом постарел, даже стены как будто кривы...»	36
«Две дырищи в голове...»	38
«Вот такое вышло дельце...»	40
«Ветер гложет голую березу...»	44
«В горле хрип, и в ушах паутина...»	46
«Было трое нас, стало двое...»	48
«А у судьбы клыки кривые, острые...»	49
«Кто-то сыпет в бульон специи...»	51
«Я в загранку плавал, видел праздник, видел волю...»	55
«Я в кафе после смены считала рубли...»	58
«Я дело открыл. Сердце ноет, болят виски...»	61
«Я из всех алкоголиков...»	62
«Я к нему у стойки подседа...»	65
«Я ходил по грибы, разливал на троих...»	67
«Мир и в правду очень тесен...»	69
«Мы с супругою Марусей дом задумали построить...»	72
«Нет у прав у меня, и талон – три недели – просрочен...»	74
«Ночь. Мы одни в палате, как в могиле...»	76
«Я сегодня интим заказала заранее...»	78
«Прощайте, друзья по оружию...»	79
«Путь держу от угла до угла я...»	85
«Пьяный кто? Кто водку пьет...»	86
«Слякоть, сумерки, талый снег...»	89
«Тучи бродят хороводом зловещим...»	90
Раздел II	92
«Бежим полсотни. Я в отрыв без дураков...»	93
«В работе, в труде я упрям, как баран, как боров...»	95
«Греби, кто хочет, по прямой, где тишь да гладь...»	97
«Два вожатых, физрук, даже повар за них играют...»	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99



Предисловие

Здравствуй, читатель. Перед тобой – сборник не то стихов, не то песен, сам разберешься, если захочешь. Я никогда не считал себя «бумажным» поэтом, т. е. не писал рифмованных текстов, чтобы их потом кто-нибудь читал. Но всю жизнь эти тексты пишу и исполняю их при случае под гитару – для «своих», – по ходу застолья, в горах, на спортивных сборах и т. д. Одни тексты стали песнями, другие нет, но с некоторых пор уважаемые мной люди – профессиональные поэты, выступая перед публикой со своими стихами, стали заодно исполнять и мои тексты – тоже как стихи. Эти люди и надумали меня издать этот сборник.

По разным причинам мне не нравятся слова «бард» и «поэт», но на вопрос «ты кто такой?» ответ у меня есть. Я русский литератор, т. к. пишу по-русски, а песню считаю разновидностью литературы.

Перед каждым разделом этой книги – короткое предисловие, чтобы было более или менее понятно, откуда что у автора взялось в смысле содержания текстов.

Раздел I

В этом разделе – песни, так или иначе связанные с моим любимым временем в истории России – девяностыми годами прошлого века. Родившись 1 апреля 1956 г., в веселый такой день, я и дальше был достаточно весел, идя по жизни, а уж в девяностые веселья было – хлебай не хочу. Разумеется, было и много трагичного и неприятного для нормального человека в эти годы, но в смысле трагизма, считаю, ни одно из десятилетий в российской истории, строго говоря, не лучше и не хуже всех остальных – везде и всегда свои горести и беды, а время, когда ты молод, всегда кажется лучшим после того, как достаточно поживешь на этом свете.

Песни первого раздела книги посвящены моим друзьям и коллегам, с кем я оказался в те годы в самой гуще событий, – мы занимались бизнесом, я работал начальником службы безопасности одного из московских холдингов, председателем правления банка, коммерческим директором совместного предприятия, сам начинал и заканчивал бизнес-проекты – иногда удачно, иногда неудачно, и т. д., и т. д., много ездил, много повидал разного народа. Главные мои чувства к тем, кто был рядом со мной в те годы, – это огромная любовь, это удивление безграничной одаренности наших людей (в общем-то, что захотим, то и сделаем), это уважение к моим руководителям, партнерам и подчиненным, это вечная и искренняя благодарность им за совместную работу. Мне повезло с коллегами и друзьями – так мало кому везет, я это сейчас понимаю и посвящаю им, иногда напрямую, иногда косвенно, те песни, что собраны в первом разделе этой книги.

«Вчера я в полночь-заполночь чаевничал у Нюрки...»

Вчера я в полночь-заполночь чаевничал у Нюрки.
Она торговлю двигает, у ней деньжищ вагон.
Она меня в Анталию пригласила, где турки, —
От бизнеса развеяться, отдаться воле волн.

Она мне полюбовница, и я ей полюбовник, —
Не так, чтобы уж очень уж, а два-три раза в год.
Пока я ложкой в чайнике заваривал шиповник,
Она в пиджак мне сунула билет на самолет.

Я жену люблю, Валентину!
Но отвязка всегда нужна!
Ты меня извини, скотину,
Ты меня не ругай, жена!

Это я так в уме подумал,
А в семейный нырнул уют —
И сижу за столом, угрюмый:
Мол, опять на край света шлют.

Вот я легенду двигаю, да складно так и ловко:
«Ты в Тулу съезди к матери, картошки привези,
А я в Самару – в Куйбышев лечу в командировку,
Партнеры ждут. Все схвачено, и сделка на мази».

Она вздохнула: «Ладно уж, раз надо, значит надо»,
Еды мне на дорогу наложила пять кило, —
Держись, мол, там Поволжье, там окопы Сталинграда,
Но я тебя дождуся всем хреновинам назло!

И чтоб мне без гульбы, без шашней!
И махнула мне вслед рукой:
«Будь здоров, дорогой, не кашляй!
Помни главное: я с тобой!»

Я в подъезде пошел вприсядку!
И по правде, и наяву
В Шереметьево, на посадку,
Как ошпаренный, когти рву!

И мы взлетели с Нюркою, я был слегка под «газом»,
Она шептала: «Милый, дорогой мой человек!»
И локтем в полудреме мне подбила оба глаза,
Когда я стюардессу в грузовой повел отсек.

И вот она, Анталия, – и жар, и страсти пламя,
И розы, и настурции – убиться-помереть!
Я Нюрку с ног до маковки осыпал лепестками,
Когда мы с нею ездили развалины смотреть.

Я с судьбою счастливой свыкся, —
Галстук, вазу купил, кинжал,
Я верхом залезал на сфинкса,
Нюрке сверху букет бросал.

Под предлогом просмотра мумий
Я ее затащил в музей
И в глухом углу без раздумий
На нее налетел, как змей!

А напротив, вон, как корова,
Жвачку ртом, как траву, жуя,
Танька, сволочь, стоит, Блинова, —
Смерть-погибель, беда моя!

Под облупленной штукатуркой
Пальцем тыкает в экспонат
И меня углядела с Нюркой,
И орет мне: «Предатель! Гад!»

Она с моей Валюхой – закадычная подруга,
Они по парикмахерским сидят с ней в бигудях.
Она мне рожу хлещет, завывает, словно вьюга,
А я, хрипя и плача, бьюсь, как мышь, в ее когтях!

Мне воздух режет легкие, мне крик забил трахею:
«Танюха, не закладывай, помилуй, пощади!»
Я бусы золоченые повесил ей на шею
И брошку с перламутрами пришил ей к груди.

Танька добрая, извинила
Мне мой грех. Я от сердца ей
Наложил в кулек сувениров:
«Все твое! Забирай! Балдей!»

И она вдали, за дверями
Средь густых растворилась трав,
Нюрку взглядами, как гвоздями,
Напоследок исковыряв!

А мы свое продолжили, мы были в прочной связке, —
В омара вилкой тыкали, глазели на рассвет,
Мы с ней оттарабанили неделю, словно в сказке,
И даже мне взгрустнулося, что Вальки с нами нет.

В последний вечер за нос нас вела судьба слепая.
Кабак. Танцуем-прыгаем. И тут же – вот те на! —
Блинова Танька с хахалем под ручку выступает,
И рядом – моя Валька, красавица-жена!

И какой-то скот с пьяной рожей —
Хрен Иваныч, сморчок в очках,
На нее свою лапу лóжит
И целует ее впотьмах.

Я спихнул со стола тарелки:
«Валька, сволочь, – кричу, – стоять!»
И охранники, вон, как белки,
Меж столами давай скакать!

Вот я в закусь клыки вонзаю,
Глаз шампанским хочу промыть.
Бред! Подстава! Я точно знаю,
Что такого не может быть!

И Валька нас увидела, скукожилась, пригнулась,
Потом на Нюрку зыркнула, все сразу поняла.
«Я в Туле там у матери...» – сказала и запнулась,
И к нам двоим помчалась, как пуля, как стрела!

Она на Нюрку топнула копытом, как кобыла,
И волоса ей вырвала, и серьги из ушей,
На них Блинова Танька, вон, туфлею наступила
И вбок моргает хахалю: «Спокойно! Все о'кей!»

Валька в тонусе! Бой! Коррида!
Свалка, месиво! Лязг зубов!
«Хочешь семью разрушить, гнида?
Дохлый номер! У нас любовь!»

И сморчку по очкам досталось,
И столы летят из окна,
И толпу, что на крик собралась,
Мочит Валька, моя жена!

Потом в одном и том же мы летели самолете,
Она сдала мне хахаля, когда я попросил:
«Петров, мол, зам. бухгалтера, сотрудник по работе,
Два года уговаривал и вот – уговорил».

Он пиво пил из горлышка, – какой-то мятый, блеклый,
«Твоя-то где?» – шепчу ему. «Махнула в Краснодар!
Сказала, что к брательнику поехала за свеклой.

А что?» «Да так, нормально все. Молчу. Не мой базар!»

Вот мы выпили, приземлились.
Вот и счет уж потерял дням.
Вот мы с Валькою помирились,
В зоопарк пошли к лебедям!

Валька булку кусает хмуро,
На природу глядит вприщур:
«Ах, какая я все-тки дура,
Что у фирмы купила тур!»

Валька в землю ногой молотит
Да об дерево бьет плечом:
«Пусть обратно нам деньги плотят, —
То, что отдых наш омрачен!»

Вот я дома рубаю студень,
Нож железный зажав в горсти:
«Мы в суде их, козлов, засудим!
Валя, милая, не грусти!»

1997

Вишнёвый сад

В Лос-Анджелес приехал Миша Змей
С товарищами – бизнес поднимать.
Он жить намерен лучше, веселей,
Пахать, как конь, и прибыль наживать.

И вот уже торопятся ребята
В хоромы, в резиденцию магната, —
Посланцы из заснеженных глубин.
Их жизнь держала сызмальства за жабры,
А тут ливреи, люстры, канделябры,
Форель в фонтанах и в саду павлин!

Хозяин, мистер Смит, чеканил шаг
С бокалом – от буфета до стола.
И Миша думал: «Крепкий ты чувак,
И я хочу иметь с тобой дела!»

И он из кресла рвался, как из клетки,
Фломастером рисуя на салфетке
Финансы, обороты, капитал...
И Смит руками, как в лесу от веток,
Отмахиваясь, ел своих креветок,
И кайф ловил, и в сторону зевал.

Его в Сорбоннах, в Кембриджах растили.
Он знал одно, но твердо о России,
Что там на конях скачут казаки!
И он, губу кривя, глядел на Мишу
И на ребят. И рев скотины слышал,
И стук дубин. И протирал очки.

«От ваших рыл разит самой землей», —
Куря сигару, думал мистер Смит.
И Миша Змей ни с чем, усталый, злой,
Махнув стопарь, ушел и был забыт.

Он прилетел в Москву, он ровно за год
Догнал и перегнал Восток и Запад,
Поднялся так, что даже не достать.
Он доказал, что мозг – залог успеха,
И он опять в Лос-Анджелес приехал
С ребятами – на солнце загорать.

Он на горе увидел особняк,
Он снизу вверх рванул со всех копыт —

Там человек в саду чеканит шаг —
Да это ж он, тот самый мистер Смит!

Он полагал, что Змей жует опилки,
Что он галопом в поисках горилки
С товарищами скачет по степи,
А тот опять нашел сюда дорогу,
Стоит себе в туфлях на босу ногу,
И жив-здоров. И хочет все скупить.

Они прошли в гостиную, присели.
И Миша извинился: «Ближе к цели.
Тебе – «лимон», идет? А хата – мне».
И Смит налил, и Миша выпил кратко, —
Сказал: «О'кей, до дна и без остатка!»
И постучал костяшкой по стене.

«Почем цена?» – спросил он, весел, пьян.
Ответ услышал, бровью не повел,
И тут же притаранил чемодан
И положил наличные на стол.

В саду, в прохладной мгле горел устало,
Как будто извиняясь, вполнакала,
Над фруктом фиолетовый фонарь,

И мистер Смит, грустя, глядел на Мишу,
А тот рукой махал: «Мы все напишем,
А ты пока под пальмой покемарь».

И ветерок сквозил едва-едва,
И мистер Смит припомнил прошлый год —
Креветки, кайф и Мишины слова:
«Финансы, график, бабки, оборот».

Ребята подошли, открыли фляги,
И Смит, рисуя подпись на бумаге,
Считал навар, прикидывал процент,
И, выпив за безбрежность океана
Предложенные Мишей полстакана,
Сказал: «Олл райт. Я в плюсе. Хэппи-энд!»

И сборы были быстры, меньше часа.
И сторож – нелегал из Гондураса
Был на задворках брошен, позабыт.
Но Миша взял его, оклад прибавил
И фронт работ на вид ему поставил:
Глинтвейн варить на всех, чтоб без обид.

И, проглотив полсотки на «ура»,
Он посмотрел на волны, на закат
И объявил с ближайшего бугра:
«Здесь будет заложен вишневый сад!

Мы вишню продавать в корзинах будем.
Мы силой никому грозить не будем,
Чего нам швед, у шведа денег нет!
Чего француз, чего нам Конго, Чили,
Свои бы спьяну залпом не накрыли,
На прочность проверяя белый свет!»

Закончен отпуск, гладь на море, тишь.
Вот Змей в контору Смиту шлет привет:
«Гуд бай, май фрэнд, я знаю, ты грустишь,
Бери ключи, живи, пока нас нет!

Мы сад посадим, хочешь, будь при деле —
Глава плодово-ягодной артели,
Законный шеф структурного звена!»
И мистер Смит узоры на паласе
Чертил носком туфли и в знак согласия
Кивал, не понимая ни хрена.

Ребята улетели, он остался.
Он отошел от шока, оклемался.
И, всем ученым книжкам вопреки,
Он знал, что будет денег выше крыши,
Он в гамаке дремал и четко слышал
Дыхание деревьев, голос Миши.
И хруст купюр. И протирал очки...

1993

«Она хранила в сердце, словно в сейфе...»

Она хранила в сердце, словно в сейфе,
Любви, надежды, веры сладкий хмель.
Три слоя краски у нее на фэйсе.
С такую рожей – только на панель!

Она на ней куражилась не хило
Среди отребья, сброда и зверья,
Она там школу жизни проходила,
Она ее прошла от «А» до «Я».

И вот отель, и бар для интуристов,
Картины, свечи, мрамор, полумрак,
Где, сыт и пьян, настойчив и неистов,
Отвязки хочет каждый старый хряк!

Она входила в зал, едва кивая
Угрюмым лбам, застывшим при дверях,
И за спиной шептались: «Центровая»,
И трепыхались тени на столах.

И барменши-девчата, в мягком стиле
Вертя концами вытянутых жал,
Ворованную выпивку глушили,
И пианист Бетховена играл.

Ее душа куда-то вдаль стремилась,
Как по волнам летящая ладья,
Она в него, очкастого, влюбилась
Не сразу, а немного погодя.

Ее слегка от градусов шатало,
Она губу кривила во хмелю,
И, уходя с другим, ему шептала
Три слова правды: «Я тебя люблю!»

Он пил коктейль, он локоть на отлете
Держал, как граф, за пальмами, в тени:
«Окрас лица и должность по работе
Меня в тебе смущают, извини...»

И вот однажды, в полночь, в непогоду
Братки пришли – под «газом», хороши:
«Эй, ты, дружище, сбациай для народа,
А ну, давай про Мурку, для души!»

Адажио, казалось ей, в бемолях
Он исполнял по типу «ля мажор»!
Культурный, он сказал им с дрожью, с болью:
«Пардон, я занят», – и потупил взор.

И он хреначил пальцами проворно,
И отморозок с бритой головой,
Затвор двумя руками передернув,
Погладил ствол с ухмылкой кривой.

Он гладил стольник лапою мохнатой,
Но все равно простой ответ ему:
«Я доиграю «Лунную сонату»,
А уж потом заказ у вас приму!»

Она рванула вскачь легко и быстро,
И хмель долой, и ни в одном глазу:
«Ребята, не стреляйте в пианиста,
Я глотку за него перегрызу!».

Фонтан шумел-журчал, скрипели стулья,
С поста, крестясь, слиняли два жлоба,
Когда братки, обкуренные дурью,
Пошли вразнос, и грянула стрельба!

Наперерез огню метнулось тело,
Качнулись люстры (но не в этом суть),
Она его собой прикрыть успела
И полкило свинца взяла на грудь!

Потом она без ласки, как попало,
На смертном одре брошена в углу,
В больнице, в «Склифе», кровью истекала,
Шепча три слова: «Я тебя люблю!»

И он не смог снести тоски-печали,
Он к ней пришел, чтоб кровь свою отдать,
Ей из него три литра откачали,
И организм раздумал помирать!

И вот, приняв по стопке, чуть на взводе,
В обнимку, по шоссе, сквозь дождь и град
Они вдвоем из города уходят,
Они идут куда глаза глядят!

1997

«Полюбила мента, аж мурашки по коже...»

Полюбила мента, аж мурашки по коже.
Он меня в «воронок» для прогулки берет.
Автомат, как бревно, под сидение ложит,
И целует мне щеку, и мчится вперед.

Ему денег дают, он стоит, водит жалом.
Он душевный, он свой, не хапуга, не хам.
Он меня приглашал, я плечом пожимала.
Я стеснялась сказать, что работа моя по ночам!

Мы с девчонками сняли троих на вокзале,
Привели их на хату, от кайфа кривых.
Но пришли мусора, двери «фомкой» отжали
И стоят на пороге, и мой среди них!

Полюбила мента! Ну чего теперь делать?
Он с облавой пришел, чтоб порядок блюсти.
Я к нему в полутьме подступаю несмело:
«Это я из-за денег пошла на такое, прости!

Называй меня чучелом, драной мочалкой,
Я кругом виноватая, бей, не жалея, —
Сапогом, портупеей, резиновой палкой,
Прогоняй меня, дуру, в загривок, взашей!»

Полюбила мента! Нюрка смотрит ехидно,
Как я плачу навзрыд, и портьерой в углу
Закрываю лицо, потому что мне стыдно.
Он чего? Он идет, громыхая копытом, к столу!

Он налил и кивает: «Кончай тары-бары!
Нам по двадцать процентов за «крышу» отстег.
Я возьму с тебя десять – свои, нет базара!» —
И вцепился мне, сволочь, в карман, как бульдог!

Я к нему подошла, я дала ему в рыло!
Он меня пятерней потрепал по плечу.
...Полюбила мента, а потом разлюбила.
И проценты без скидок и льгот регулярно плачу...

1992

«У солдата на сердце ненастье...»

У солдата на сердце ненастье,
Он пришел из чужой стороны.
У солдата рубцы на запястьях,
Он из плена вернулся, с войны.

Ой, гармони лихой переборы,
Ой, вы, травы в степи, ковыли!
Там, за степью, холодные горы,
Там товарищи в землю легли.

Воздух Родины черен и горек,
И луна, как покойник, бледна,
И подсолнух прилег на заборе,
И сосед закурил у плетня.

Он от едкого морщится дыма,
То ли крик из груди, то ли стон:
«На тебя еще в прошлую зиму
Похоронку принес почтальон!

И жена твоя в дальние страны
Без оглядки за счастьем шальным
Унеслась за моря-океаны,
Укатила под ручку с другим!»

Парни спяну, чихая от пыли,
Мимо окон солдатских бредут.
Позабыли его, позабыли,
Развеселые песни поют!

Ветер черную треплет рябину,
Девки пляшут вдали, голосят.
«Я с чужбины пришел на чужбину», —
Смотрит в угол и шепчет солдат.

Он сидит на завалинке с краю,
В три погибели скрючен, согнут.
Люди знать ничего не желают,
Развеселые песни поют...

1997

«Увы! Октябрь уж наступил! И все по новой, все по кругу...»

*Выжившим и погибшим участникам событий 3–4 октября 1993
года в Москве посвящается эта песня.*

Увы! Октябрь уж наступил! И все по новой, все по кругу —
Опять столица на ухах, и на одну – другая рать,
Трамваи в сумрак унеслись, вороны – к югу с перепугу,
И вот на площадь, в шум и дым, пришел скрипач и стал играть.

И фрак, и волосы до плеч вгоняли нервных в изумленье,
«Ложись, нарвешься, идиот!» – народ, глаза, горло драл,
А он не слушал, он хотел стрельбу и смерть хоть на мгновенье
Остановить, убрать, прикрыть. И он играл, и он играл!

А на него смотрели все, а по нему лупили с крыши,
И парк осенний, золотой был на ветру навеселе,
И город был, как желтый дом, и пули-дуры, словно мыши,
На все лады сновали, сволочи, по листьям, по земле.

Живая музыка к сердцам рвалась из тьмы, как кровь из вены.
Как рыбу, музыку глушил, – шумел, гремел безумный бал,
И люди падали вокруг, а он наяривал Шопена,
И гильзы сыпались к ногам, а он играл, а он играл!

И снайпер медлил, веселясь, и спать хотел, и ждал антракта,
И мы успели ускользнуть, а он играл, а он сумел
Стрельбу и смерть остановить на миг, на вздох, на четверть такта,
И он играл, и он играл, и белый свет остался цел!..

4–5 октября 1993

«Слякоть, стужа на дворе, и заняться нечем...»

Слякоть, стужа на дворе, и заняться нечем,
Но пришла весна-красна, и ко мне домой
Развеселый ухажер заглянул под вечер,
Симпатичный, весь в кудрях, стройный, молодой!

«Извиняюсь, виноват, я с дороги сбился», —
Он мне на ухо шепнул и у печки сел.
Мама милая моя, он в меня влюбился,
Он мне ручку целовал и романсы пел!

«Вы прекрасны, госпожа, словно Мона Лиза, —
Он, как мяч, вокруг меня прыгал вверх и вниз, —
Честь имею предложить в качестве сюрприза
Руку, сердце и билет в свадебный круиз!»

Я от счастья впала в бред и к нему в объятия
Как лебедушка плыла, чтоб ему сгореть!
Он мне брошку и значок нацепил на платье,
«Собирайся, – говорит, – и со мною едь!»

Море синее. Стамбул. Прилетели, здрасьте!
Петька (так его зовут) кофту мне купил,
Он под вечер в номерах озверел от страсти
И давай меня терзать до потери сил!

Я очнулася к утру. Я не понимаю,
Что за бабы в бигудях в холле водку пьют,
У меня уже тоска по родному краю,
Там веселье, Первомай, танцы и салют!

Мысли бегают в башке, скачут, как цыплята:
Дом свиданий, храм любви – вот где я живу,
Здесь молотят и бомбят русские девчата,
Я в натуре весь расклад вижу наяву!

Вечер. Петька протрезвел, об меня согрелся:
«Обслужи-ка ты поди дорогих гостей!»
Я ему: «Чего ты, Петь, белены объелся?
Лучше ты уж нож возьми и меня убей!»

У меня его жлобы паспорт отобрали.
Я во гневе, как в огне, заживо горю!
Я к клиентам не вяжусь, я им на рояле
Исполняю полонез и глинтвейн варю.

Две недели, месяц, год вою, как собака,
Я кричу ему: «Подлец, ты же обещал
На лазурных берегах в княжестве Монако
Мне под пальмой в знак любви подавать бокал!»

Я рыдаю, я грущу по родным Мытищам!
Петька в грязь меня втоптал, словно он спьяна
На ромашку наступил черным сапожищем,
Словно сердца у него нету ни хрена!

Я в ботинок острый гвоздь положила Петьке,
Чтобы кровь ему пустить, вору и врагу,
Надоел он мне, козел, хуже горькой редьки,
Я по улицам сквозь дождь к пристани бегу!

Месяц бродит среди туч, старичок сутулый,
Лодка мчится по волнам, я рулю веслом,
Я по компасу плыву в Ялту из Стамбула,
Мне стихия холодит рожу сквозняком!

У меня в душе звенят скрипки и свирели,
Мне родные погранцы, вон, кофий подают,
Поначалу сгоряча расстрелять хотели,
А теперь кричат «Ура!» и чечетку бьют!

Возле борта собрались и меня щекочут
Два веселых дружбана – боцман и старпом,
Мне механик-моторист смотрит в ясны очи,
Просит фотку подарить в дембельский альбом.

По каютам крепко спит войсковое братство,
Я письмо пишу в Стамбул, излагаю суть:
«Я опять тебя приму, только ты исправься,
Только ты на этот раз человеком будь!»

1997

«Я Андрюху, друга, тыщу лет не видел...»

Я Андрюху, друга, тыщу лет не видел.
Он по стилю жизни парень хоть куда.
Он когда-то в школе мне два зуба выбил,
А потом мы стали не разлей вода!

Я его недавно в ресторане встретил,
Рядом с ним какой-то мутный контингент
Щупальцами шарил, шелестел, как ветер:
«Пей до дна, товарищ, брат, кирюха, кент!»

Я понял: разводилово, охота!
Они ему втроем со всех сторон
О бизнесе бурobili чего-то
Под скрипки и хрустальный перезвон.

Он кайф ловил в усиленном режиме,
И ветер за окном был зол и лют,
И я ему сказал: «Не пей с чужими!
Чужие до добра не доведут!»

Я его в курилку оттащил насилию:
«Тут у них, по ходу, полный беспредел!
Ты послушай, парень, что со мною было,
Я с такими так же здесь же вот сидел.

Так же рядом терлись виртуозы, профи.
Только я отвлекся, и уже привет —
Намешали, суки, клофелину в кофий,
Я на месте рухнул. Даже пульса нет!

Я на шоссе очнулся, возле леса,
Как жалкий головастик на мели,
Я в транс вошел, я стал седым от стресса,
Когда меня в больницу привезли.

Прикинь, Андрюха: мрак, подвал, каталка.
Вперед ногами еду, не пойму:
Куда? Зачем? Ни шатко и ни валко —
В какую степь, за что и почему?

Мне со стен на морду падает известка,
О шершавый кафель колесо скрипит,
Санитары шутят матерно и хлестко,
Мол, лежи, не вякай, ты уже убит!

Если б не записка в потайном кармане,
Та, что душу греет и хранит меня,
Я б увяз навеки в коме, как в тумане,
Дальше – морг, могила, и прощай, родня!

Они меня к жмурам как раз катили,
Мол, по пути дойдет, и все дела!
Но «пятихатку» в лапы получили,
И смерть меня зигзагом обошла.

Судьба сама распределяет роли,
Кому чего. Прорвемся, не впервой!
Меня в реанимации кололи
Четыре дня подряд, и я живой!

Я тупой, однако. Стыдно! Зенки прячу!
Врач меня утешил: «Есть еще тупей, —
Без записки ходят. Ладно, будь! Удачи!
И не пей с чужими, со своими пей!»

Я к метро помчался – рысью, ноги в руки!
Перстень, крест нательный, пропуск в Белый дом,
Портмоне, кредитку – все забрали, суки,
С кем я водку квасил за одним столом!

И все же я не в коме и не в яме!
Андрюха, мы с тобой не фраера,
Но мы смеемся с новыми друзьями —
Ты помнишь? – мы так пели у костра.

Они смеялись тоже, гадом буду,
Когда мою кредитку в банкомат
Совали и куражились, паскуды:
«Не мерзни там в лесу. Спасибо, брат!»

Вот такое дело, друг ты мой Андрюха,
И скажи мне, где ты видишь тут людей
Из сидящих рядом, что тебе на ухо
Шепчут сказки. Брось их! Со своими пей!

А он ворочал вилкой в винегрете
И, как блаженный, дергал головой:
«Кирей, ты у меня в авторитете,
Но тут маячит сделка – о-е-ей!»

И я ему: «Братан, да это ты ли?
Да брось ты их, забудь про эту шваль!»
Но нет, они ему еще налили
И с ним решать вопросы укатили —

На «джипах», в ночь, в неведомую даль.

С утра звонок. Да чтоб вас, елки-палки!

Андрюхин голос – будто бы вблизи:

«В больничный морг без спросу, по нахалке

Какие-то лохудры и мочалки

Меня, живого, катят на каталке!

Спасай, Серега, денег привози!»

2015

«Ну, Вась, ну что ты сразу так хватаешь под микитки...»

Ну, Вась, ну что ты сразу так хватаешь под микитки?
Ну сядь ты, как положено, за жизнь поговори.
Я для тебя заначила различные напитки, —
Гулянка будет, праздник от заката до зари!

Вот я с ним за компанию шарахнула полстопки,
И вся душа покрылася туманной пеленой,
Я даже туфли новые достала из коробки:
Вась, правда, я красивая? Поговори со мной!

Свеча на подоконнике, шампанское в бокале,
Он у меня на шее, как на вешалке, повис,
Ему четыре месяца зарплату не давали,
Он слабый, он на лавке развалился и раскис.

В кудрях его – опилки, а в душе – дыра сквозная,
И я над ним порхаю, словно чайка над волной,
Романс о хризантемах с табуретки исполняю.
Очнись, Васек, я вот она! Поговори со мной!

Все тихо. Даже в ухе заржавела перепонка.
В печи гуляет ветер, и огонь едва горит,
А за окном раскинулась родимая сторонка,
И люди спят, и некому со мной поговорить!

Вот я сквозь рожь высокую к товарищам в общагу,
Чумазого и тошего, ташу его домой.
Он бредит. Он копытом колошматит об корягу,
А ему прическу рву: «Поговори со мной!»

С рук на руки сдала его, в платочек прослезилась,
Домой, как дура, шлепаю под темною луной.
Вот я к столбу фонарному плечами прислонилась:
«Скажи хоть слово, родненький! Поговори со мной!»

1996

«Колюня с дудкой бегаёт под хохот лягушачий...»

Колюня с дудкой бегаёт под хохот лягушачий,
А я гармошку дедову достал из сундука.
Мы все, что было, пропили, теперь у нас задача
Девчатам на завалинке забачать песняка!

Худые и очкастые,
У наших у ворот
Они гуляют, шастают
Все ночи напролет!

Они к нам, крошки-лапочки,
С пригорка – косяком!
И мы сидим на лавочке
И семечки грызем!

Их в помощь к нам прислали по путевке комсомола.
Они и в ус не дуют, что попали в переплет.
Они хотят на зорьке хоровод водить веселый,
Они его и водят – влево-вправо, взад-вперед!

Наташка перепелкою
Поет про небосвод,
Она орехи щелкает
И семечки грызет.

Синицы, крылья сизые,
Садятся на плетень.
А дома в телевизоре
Туфта и дребедень.

А там вожди, как клоуны,
А нам на них плевать.
Друг друга с полуслова мы
Умеем понимать.

Вождей, вон, рядят в тапочки,
Да в белые притом.
А мы сидим на лавочке
И семечки грызем!

Девчат обратно в город на *автобузе* увозят,
А Танька схоронилась под яблоней в саду,
Кричит: «Пошло все к черту! Я с ребятами в колхозе
Любовь свою до гроба обязательно найду!»

Она с себя сняла очки,
От страсти вся кипит,
И с Васькой, вон, на лавочке
В объятиях сидит,

Прической, рыжей гривую,
Как знаменем трясет,
Смеется: «Я счастливая!»
И семечки грызет.

Они в плакучих ивах чуть не померли от смеха.
Кругом дожди, распутица, сплошная круговерть.
А значит, то, что хрен вам всем, поди за ней приехай!
А прыгнешь с парашютом, то поди потом уедь!

Автобус уплывает,
Словно лайнер, в темноту.
Тамарка, звеньевая,
Прицепилась к кусту!

Она из строя смылась
И теперь кричит: «Побег!
Я к рейсу не явилась,
Я свободный человек!»

Нащупав мордой чашку,
За ударный выпив труд,
Наташка, словно пташка,
Верещит: «Я тоже тут!

Вы – джентльмены, мы – леди,
Мы вам польта будем шить,
Мы в город не поедем.
Мы в деревне будем жить!

Луна лучи вонзает,
Как ножи, в ночной покров.
Валюха вылезает
Из крапивы, из репьев.

У ней один девиз:
«Любовь – прекрасная страна,
Ее, хоть удавись,
Не завоюешь ни хрена!»

Мы пляшем в честь восхода,
Мы свистим на журавля!
И с нами вся природа,
Вся родимая земля,

Кузнечики, козявочки,
Суглинок, чернозем,
И мы сидим на лавочке
И семечки грызем!

И мы гудим, гуляем,
Из костров летят угли!
Валюха с Николаем
Убежала в ковыли.

Она кричит: «Победа,
Я в набат желаю бить!
Я в город не поеду,
Я в деревне буду жить!»

1991

«Жизнь меняется, как будто я в блокноте...»

Жизнь меняется, как будто я в блокноте
С новой строчки начинаю новый лист.
Я в Чикаго прилетел на самолете,
Перспективный молодой специалист.

Алкоголь дает изжогу после пьянки.
Я от проводов еще не отошел.
Я грызу свои московские баранки.
Я в витрины носом тычусь, как осел.

Вот контора, где приезжих нанимают.
У меня азарт борьбы, глаза горят.
Я талантлив, гениален, точно знаю!
Я Америку приехал покорять!

Вот хохочут мне в лицо: «Какой ты быстрый,
Глянь в окошко – слева, справа, там и тут
С целью денег бакалавры и магистры
Грузят, пилят, сеют, пашут и куют!»

Я в другую дверь, а там у них все то же:
Мистер в галстук сидит, хлебает чай,
Резюме мое прочел и подытожил:
«Хочешь жить – бери лопату и копай!».

Я, как чайник, закипел: «Зачем лопата?
Аспирант я, экономику учу.
Вы не в курсе, вы не поняли, ребята,
Я финансами заведовать хочу!»

Вот мне мистер намекнул про чувство меры.
Я виденье увидел средь бела дня,
Что свобода, вон, сама из-за портьеры,
Как пантера, хочет прыгнуть на меня!

Утро. Первый уик-энд. Лежу на койке.
Что поделаешь, уже который день
Я строителем работаю на стройке.
Я в провале, я ослаб, как старый пень.

Я уродуюсь за жалкие коврижки,
Я в песке, в цементе по уши увяз.
Я, как проклятый, пашу без передышки.
Мне дают четыре доллара за час!

А жара вокруг, ну просто адский пламень!
Я вообще не понимаю ни черта,
У меня в башке туман, на сердце камень,
Скрип в коленях и в суставах ломота!

Я ворочаюсь во сне, вздыхаю тяжело,
Вижу провода свои в аэропорт, —
Слева Нюшка под рукою, справа Машка,
Сыт и пьян я, весь в помаде, весел, горд!

А на этих авеню экстаз не в моде.
Я искры в глазах ни разу не нашел!
И вокруг меня, холодный, ходит, бродит
Абсолютно безучастный женский пол!

Я мигнул одной: «Эй, ты, пойдём по пиву!»
А она возьми да крикни: «Караул!»
И башкой трясёт, и рвет руками гриву,
Будто я в бараний рог ее согнул!

И всю ночь за мной – мигалки и сирены!
Я в озерах трепыхался, как карась,
От прожектора нырял, как от рентгена.
«Руки в гору, – мне кричали, – сука, мразь!»

Им про то, что я – великий, нету дела.
Мне ишачить и держаться на плаву
Хуже хрена с горькой редькой надоело!
Я билет беру на Родину, в Москву!

Вот и встреча – Машка с Нюшкой всему свету
За меня готовы глотку перегрызть.
За столом сижу с бокалом, с сигаретой,
Весь в помаде, сытый, пьяный, обогретый,
Перспективный молодой специалист!

1993

«Из отчего дома – со страху...»

Из отчего дома – со страху
Остаться, в чем мать родила,
Она на панель, как на плаху,
Стуча каблуками, пошла.

В Москву, как из темного леса,
Явилась тайком, налегке.
Ее называли принцессой
Ребята в родном городке...

По нервам скребет, как пилою,
Шальная трамвайная трель.
Понурая, как с перепую,
Принцесса идет на панель.

Ах, как она раньше летела
Во всю свою юную прыть
На танцы, на бал, и хотела
Красивые туфли носить.

Из термоса чай среди ночи
На точке хлебает она.
Девчонки, вон, рядом хохочут,
И тем, видит Бог, до хрена —

Как Светку вчера два баклана
Мурлом окунали в бокал,
Как пьяный дурак из нагана
В упор ни в кого не попал!

Да, вот оно – сердце Отчизны,
Безумных ночей круговерть.
А дома веселья и жизни
Ни грамма, одна только смерть.

А здесь даже самые звери
С тобой производят расчет.
Москва, хоть слезам и не верит,
А денег на туфли дает.

И паспорт при ней, и причина
От радости прыгать и петь.
С полтинника ей половина,
Со стольника – больше, чем треть.

...Подружек ряды поредели
Под скрежет железных зубов.
Принцесса стоит на панели,
Родной вспоминает Тамбов.

Там муж ее, знатный ворюга,
Чего-то крутил и вертел.
И выла за окнами выюга,
И он был азартен и смел.

Он пил по утрам, он питался
Шампанским, пока был живой,
И розами вечно кидался,
И гордо мотал головой.

Свежи были чертовы розы,
И он был не страшен, не стар.
«От пьянки подох, от цирроза», —
Ей в морге сказал санитар.

Он был у начальства в почете.
И, лясы точа от балды,
Коллеги, друзья по работе
У гроба сомкнули ряды.

А после, скорбя из-под палки,
В прохладу его и уют
В казенном свезли катафалке
И дали прощальный салют!

...Машины проносятся мимо.
На точке – антракт, перекур.
И город, как клоун без грима,
Уныл на рассвете и хмур.

И опер, смотрящий за точкой,
Придурок, скотина и жмот,
Хлебнув из горла в одиночку,
С собой ее даром берет.

Он взял ее, слабый и хилый,
И, в угол забросив сапог,
Лежит – крокодил крокодиллом,
Таращит шары в потолок.

Он зелье заморское курит,
Лицо – как из синего льда.
Она его грохнет, в натуре,
Вот только не знает, когда.

Лихое срывается слово,
Как дверь со скрипучих петель,
С обкусанных губ. Завтра снова
Вставать и идти на панель.

И, как по волнам каравелла,
Она, чуть качаясь, плывет.
Клиенты ее королевой
Зовут и берут в оборот.

И старый пенек с «Мерседесом»,
И юный заморыш в пенсне,
И опер, ходок по принцессам,
Ее вспоминают во сне.

...Тверская огни зажигает.
Сержант у ларьков, как паук,
В засаде застыл, и гуляют
Влюбленные пары вокруг.

Шагает весна по столице,
Безумный бушует апрель.
Летят перелетные птицы.
Принцесса идет на панель...

1997

«Колька мой в Америку попал...»

Колька мой в Америку попал.
Он точил детали на станке.
Он деньгу кувалдой зашибал
От родного дома вдалеке.

Он вернулся, солнцем опален,
По поселку ходит, хвост трубой,
Он в очках и шляпе, как шпион,
Кофий пить пришел ко мне домой.

Я на Кольку искоса гляжу.
Вроде он, а вроде и не он.
Страсти нет, порыва, куражу,
Прямо как в меня и не влюблен!

Раньше было все, как у людей:
Брал за шкурку, нес на сеновал,
Песни пел, свистел, как соловей,
Стих, сонет мне на ухо шептал!

Он родные, русские слова —
Тыщу, две, а может, даже три
Знал до буквы – умник, голова,
Все забыл, не помнит, хоть умри!

Я кидаю шишки в самовар.
Он мне цифры пишет на листке,
Где какая скидка на товар,
Что почем от дома вдалеке.

Я ему: «Как жизнь у них, Колюнь,
Как искусство, Гегель там, Матисс?»
Он помаду, пудру и шампунь
В нос сует мне – на, мол, подавись!

Он в кульке гостинцы приволок,
На столе рядком их разложил.
В столбик ручкой вычислил итог
И сидит, как мумия, застыл!

Он налил сухого по чуть-чуть.
Мы в окно смотрели на закат.
Зодиак искали, Млечный Путь,
Жвачку ели, чипсы, шоколад!

Он со мной все грани перешел,
А потом не в шутку, а всерьез
Все, что он рядом ложил на стол,
Что осталось, взял да и унес!

Я хожу по стенке на ушах.
Коля, милый, родный, дорогой,
Где твоя широкая душа,
Что они там сделали с тобой?

Где он, где страстей твоих накал,
Нежных чувств огонь и фейерверк?
Лучше б ты уж водку выпивал,
Но со мною вел, как человек!

Месяц в небе скрылся, как птенец.
Дождь по крыше польку проплясал.
Колька, сволочь, вспомни, наконец,
Все, что ты мне на ухо шептал!

Он к Танюхе лазит по ночам.
Мол, культура, Запад, все дела!
Танька в школе учит языкам
И сама, вон, в курс меня ввела:

Он пять букв заморских изучил,
Для него и восемь не предел!
Я стою, рыдаю, нету сил,
Он слова родные позабыл,
А чужих запомнить не сумел!

Страх на сердце давит, как свинец.
Ветер бьет по морде наповал.
Коля, милый, вспомни, наконец,
Все, что ты мне на ухо шептал!

1994

«Дом постарел, даже стены как будто кривы...»

Дом постарел, даже стены как будто кривы.
Вот ты и здесь, и тоскою полно через край
Сердце твое. Все вокруг – чуть живое, увы! —
Эти летящие клочья последней листвы,
Этот раздолбанный вдребезги старый трамвай.

Ты – вот отсюда. Ты парень не промах, —
Лихо взлетел, – говорят, даже пьешь
Кофе с дружками в Кремле на приемах
И миллионы лопатой гребешь.

Старая ведьма, соседка-злодейка
Чушь, ерунду у тебя за спиной
Сдуру несла: «Пропадет за копейку
Тот, кто забудет дорогу домой!»

Кризис пришел, и дружки озверели твои,
С кем ты последнюю банку ли, бочку икры
Мирно делил, а теперь, хоть им лоб раскрой,
Запросто, влегкую спляшут канкан на крови —
Да ведь и пляшут уже, как шакалы, шустры!

Искося так посмотрели, сурово,
Спор был недолог про совесть и честь, —
Все им отдал подобру-поздорову, —
Банков одних – аж на пальцах не счесть.

Вот и похмелье, как водится, – словно
Кончился космос. А дальше вразброс
Годы твои, как дубовые бревна,
Вниз полетят под уклон, под откос.

Вон, посмотри, деревянный красавец-гусар
Возле качелей бессменно стоит на посту.
В окнах знакомые вроде звучат голоса
Слушай, не спи! Ты своих узнавал за версту!

Слышишь, гитара! – поют – уж не те ли,
С кем ты расстался, кого променял
Черт-те на что, а потом еле-еле
Ноги унес и себя потерял.

Снова ты шепчешь: «Прощайте, ребята!»
Саблею машет гусар: «Да постой!»
Здесь тебя помнят и ждут, ну куда ты?

Сгинут навек, пропадут без возврата
Все, кто забыли дорогу домой...»

2015

«Две дырищи в голове...»

Две дырищи в голове —
 возле уха, сбоку, с краю,
Меня возят по Москве,
 а я кровью истекаю.
«Скорой помощи» сестра
 лезет, бедная, из кожи —
С часа ночи до утра
 сдать, спихнуть меня не может.
Эй, водила, жми напропалую,
 сквозь метель рули назло врагу!
Из «двадцатой» в «шестьдесят седьмую»
 мы летим по встречной сквозь пургу!
Мне бы только в койку, как в берлогу,
 вон туда, где стены и уют.
Я с носилок в дверь просунул ногу,
 а меня по ней щипцами бьют!
Нет ни коек, ни бинтов,
 ни еды, ни персонала!
Я им денег дать готов —
 я даю, кричат, что мало!
Пациенты на пути
 ненароком возникают:
«Ты подох уже почти!» —
 и пиджак с меня снимают.
Я опять в пути: ворота, стенка,
 снова слезы лью, как из ведра.
То ли это госпиталь Бурденко,
 то ли Соколиная гора!
Впереди приемные покои,
 мы в гудок гудим – никто не рад.
Мужики в халатах, оба-двое,
 дверь плечами держат и молчат.
На меня напоз туман,
 я в критическую фазу
Впал, как в море-океан,
 пульса нету, меркнет разум.
Я шепчу: «Привет братве!
 Будь здорова, мать родная!»
Меня возят по Москве,
 а я кровью истекаю!
И, как пес шальной с цепи,
 в рай душа сорваться хочет.
«Братик, милый, потерпи», —
 медсестра, крестясь, бормочет.
Мне ножом раскрыли рот,

дали курева, *жувачки*,
Вот водила достает
самогонку из заначки.
Дали выпить в меру сил,
морду тряпками протерли.
Я уже глаза раскрыл,
кайф возник в груди и в горле.
Шеф, серьезен и силен,
мне шприцом, нахмутив брови,
Колет в вену самогон:
«Вот тебе, заместо крови!»
Он со мной, спаситель, спец,
он трясет меня за плечи:
«Оклемался? Молодец!
А чего, вот так и лечим!»
Фонари. Туман. Луна.
Звезды, знаки-зодиаки.
Хвори нету ни хрена!
Зажило, как на собаке!
В голове, легки, чисты,
мысли кружатся, как чайки,
По сугробам, сквозь кусты,
я иду к Смирновой Райке.
«Скорой помощи» сестра
мне сигналил: «Дай ей жару!»
«Шагом марш, – кричат, – ура!» —
вместе с шофером на пару!
Я машу им варешкой вдогонку,
я ору, восстав из забытья:
«Верьте в жизнь, гоните самогонку,
я пошлю вам сахару, друзья!
Дай вам Бог веселья и здоровья,
ясных глаз, бутылку и бокал,
Чтоб душа гуляла, чтобы кровью
никогда никто не истекал!»

1994

«Вот такое вышло дельце...»

Вот такое вышло дельце —
В нас буржуй вонзил клешню, —
Наш завод сменил владельца,
То бишь продан на корню.

У буржуя, как у волка,
Страсть на роже, кайф, азарт,
И на тыкве треуголка.
И кликуха – Бонапарт.

Цифры, цифры – в оба уха
На него со всех сторон,
Сколько бабок надо вбухать
Плюс к тому, что вбухал он, —

Услыхал, а после стрелку
С губернатором забил
И назад, на опохмелку
В Монте-Карло укатил.

Мы с трофеями от домны
Сквозь туман домой бредем,
Чугуна стране даем мы
И себе чуть-чуть берем.

Нам с охранником Илюшкой
Дружбу нравится водить,
По балде чугунной чушкой
Он не хочет получить!

Мы от бед не унываем.
Из-за туч глядит луна,
Как мы весело шагаем
В пункт приема чугуна.

Вьется по лесу тропинка
Меж оврагов и болот,
То березка, то рябинка,
Кто их, на хрен, разберет?

Там у бабушки Матрены
Возле рощи, впереди,
Огонек горит зеленый —
Кому надо, заходи!

В сундуке, в печи, в корыте
На учете каждый пуд, —
Вот сюда, сынки, кладите,
Кому надо, заберут!

Самогон в стакане синий,
На тарелке помидор.
«Приносите медь, люминий,
Расширяйте кругозор!»

С машинистом дядей Колей
Мы знакомы тыщу лет.
Тыщу лет он с нами в доле,
У него вопросов нет.

Он нарочно ход убавит
Возле лесополосы,
Подождет и дальше правит,
Усмехается в усы!

Из вагонов тонн по восемь
Мы за эти пять минут
Под откос тихонько сбросим —
Наших много, все возьмут!

Много тем у нас в запасе —
Фурмы, фитинги, цемент,
Гвозди, гайки, деньги в кассе,
И литье, и инструмент.

Металлурги – наше имя!
Жизнь и вправду удалась,
Если дружишь со своими,
Если есть взаимосвязь!

У бухгалтерши у Даши
Пляшут зайчики в зрачках:
«Это все родное, наше,
Значит, к черту рабский страх!»

«Для чего, – кричит, – для дела
Нам извилины даны,
Лишь бы все вокруг гудело,
Лишь бы не было войны!

Лишь бы колос в чистом поле
Колосился в меру сил,
Лишь бы друг наш дядя Коля,
Там, где надо, тормозил!»

Вот хозяин из Парижа
На побывку прикатил,
Ходит, смотрит. Ну, смотри же,
Пей, что раньше не допил!

Он глотает валерьянку,
Он живой едва-едва,
Он прочухал всю изнанку,
Кто из нас хозяева!

«Ватерлоо, блин, подстава!» —
Он мотает головой, —
Типа шведа под Полтавой,
Типа фрица под Москвой!

Он сражен гипнозом, трансом, —
Это нежно так ему
Наш директор по финансам
Объясняет, что к чему.

Мол, старались, дошли, с понтом,
То да се, и денег нет, —
Дебиторка, капремонты,
Губернатор-мироед!

И заводу не житуха,
Если денег – полный шиш!
Ты еще немного вбухай
И обратно едь в Париж!

Он коньяк хлебает молча,
Он в печали день-деньской.
Воздух горек, и по-волчьи
Воют ветры за рекой.

Он хреначит водку с горя,
Он нажрался, как свинья,
Вспоминает сине море,
Хочет в теплые края.

Он не рад пейзажам нашим,
Не желает впасть в инфаркт,
Мы ему вдогонку машем:
«До свиданья, Бонапарт!

Оставайся в главной роли,
Лишь бы век твой долог был!
Лишь бы друг наш дядя Коля

Там, где надо, тормозил!»

2003

«Ветер гложет голую березу...»

Ветер гложет голую березу,
Волк в лесу петляет между пней,
А у нас поминки по колхозу,
Мы сидим, справляем сорок дней.

Что нам делать, если край родимый
Сбросил нас к чертям, как лишний вес?
За окном кудрявая рябина,
А у нас в душе дремучий лес!

Наша цель – спокойствие народов.
Мы сварили вкусного борща.
Мы не хотим распрей и разводов,
Хочем жить в колхозе сообща.

Мы три буквы пишем на заборах:
«SOS!» Спасите нас! Быстрее, сюда!
Жизнь, как талый снег, в родных просторах
Исчезает к черту без следа!

Бригадир Степан пришел в контору,
Чтоб сразить начальство наповал,
И ушел, и к трактору, к мотору
Сам себя цепями приковал.

Он сидит в промасленной одежке,
Он один, на холоде, в степи,
Без еды, без девок, без гармошки
Под луною воет на цепи!

Проезжают мимо паровозы,
Самолеты, сволочи, летят,
И по нам, по нашему колхозу,
Видит Бог, не плачут, не грустят!

...Мы в пучину мрака попадаем,
Как на шахте угольной в завал,
Мы прожектор в небо направляем,
Чтобы нас хоть кто-то увидал!

Комбайнер Колюха куролесит,
Машет в космос кепкой, пиджаком:
«Эй, – кричит, – мы вот они, мы здесь!
Мы не только жили, мы живем!»

...Думы в мозге пчелами роятся,
Как штрафную пили, посошок,
Как на зорьке шли опохмеляться,
Как нам вместе было хорошо!

Рыбаки на лодках проплывают,
Самосвалы грузами гремят,
Ни хрена про нас не понимают,
Мимо, вдаль – спешат, спешат, спешат.

Кто-то шлет любимым девкам розы,
Кто-то в бой ведет стальных коней,
А у нас поминки по колхозу,
Мы сидим, справляем сорок дней!

Ветры в поле воют, как шакалы,
И над ухом грохает стакан!
И Колюха звездам шлет сигналы,
И прикован к трактору Степан...

1989

«В горле хрип, и в ушах паутина...»

В горле хрип, и в ушах паутина,
Да и рожу бы надо помыть.
Саня, друг, одолжи мне единый,
Ехать не на что мать хоронить!

Брат Серега пришел и, опилки
Отряхая с кривого мурла,
Мне портвейну налил из бутылки
И проямлил, что мать умерла.

Он собрал со стола стеклотару,
Он селедку сожрал и салат.
Мы с Сережкой идем по бульвару
На метро «Ботанический сад».

И снежинки свистят, словно пули,
На ветру. Мы на пару минут
У столба в стороне тормознули,
Чтоб согреться и мать помянуть.

Ветер воеет уныло и тяжело,
И Юпитер на небе померк,
И какие-то падлы в фуражках
Нам с Серегой кричат: «Руки вверх!»

Нас ведут к «воронку», как баранов,
И под бодрые визги «налей!»
Хлещут водку из наших стаканов
И сержант, и бухарик-старлей.

...И в застенках, где не было света,
Нас ментура за глотку брала,
Я срывал с них, козлов, эполеты
И кричал им, что мать померла!

...Мы очнулись от сна и от бреда,
Нас резиновой палкой в плечо,
В шею ткнули: «Ступайте отседа!
Живы, целы, чего вам еще?»

И часы без стекла и без стрелок,
И единый, что дал мне Санек,
Все пропало, как в топке сгорело, —
И ремень, и последний шнурок.

...Ни гроша, ни стакана, ни корки,
Ни гвоздей, чтоб табличку прибить.
Мы с Серегой сидим на пригорке.
Ехать не на что мать хоронить...

1998

«Было трое нас, стало двое...»

Было трое нас, стало двое.
Скомкан, вывернут белый свет.
Все горбатое, все кривое,
С нами был наш друг, был – и нет!

Прячем головы от печали,
На пол валимся под кровать,
Мы с Илюхой выпивали
И еще хотим выпивать!

Не до шуток нам, не до смеха,
Нам Илюха кайф опроверг.
Он в Америку переехал,
Он хороший был человек!

С тополей листва облетела.
В домино стучим во дворе.
Никому до нас нету дела.
И костер у нас догорел.

Старшина сучит сапогами!
Без Илюхи жизнь холодней!
Мент, иди сюда, выпей с нами
За товарищей, за людей!

Ох, житуха ты, нескладуха!
Белый свет померк и поблек.
Мы за друга пьем, за Илюху.
Он хороший был человек...

1991

«А у судьбы клыки кривые, острые...»

А у судьбы клыки кривые, острые,
Я помню ту лихую кутерьму,
Самыгин Саня выжил в девяностые,
И я ему за это руку жму.

Его три тыщи раз партнеры предали,
И бизнес, как фруктовое желе,
Глотая, прокуроры с ним обедали
С браслетами стальными на столе.

Свой воз тянул и тянет
При всем при том
Мой друг Самыгин Саня
По кличке Сом:

«Пробьемся. Знайте, люди,
Придет наш срок!
Как скажем, так и будет!» —
Твердил Санек.

Твой офис – твоя крепость, твое логово.
С легавкою в тандеме, сыт и пьян,
Здесь мелкий хлюст, шестерка из налоговой,
Мизинцем оттопыривал карман.

Он мог тебя, как пепел, как труху смести,
Мы знали, что пройдет психоз и бред,
Что есть предел и подлости, и глупости,
И поняли потом: предела нет!

Ты в детстве не был тихим,
В боях крепчал,
Не то чтоб стал ты психом —
Да нет, не стал.

Но в буйство-то впадаешь,
Когда хамят —
Идешь и побеждаешь.
Нормально, брат!

И если точит ножик зло проклятое,
То и добро, стремясь к балансу сил,
Должно быть с пулеметом и гранатой.
Ты это знал. И в «Джипе» их возил.

Тебя хотели взять быки мордастые
Со всеми потрохами под крыло.
Ты встретил их. Потом, живя и здравствуя,
Они себе признались: «Повезло!»

Ты с ходу: «Ну, разведка
У вас, жлобов!
А в русскую рулетку
Сыграть слабо?»

Давай, старшой, чего ты,
Уж коль пришел?
Тащи свою пехоту!
Стволы на стол!»

Они слиняли, так порой случается,
Хлебальники – как спиленные пни!
И ты сказал тогда: «Чего печалиться?
Россия – это мы, а не они!»

А наше дело – помнить этих ухарей
И в бой идти, когда зовет труба!»
Спасибо, Саня! Я всегда на шухере.
Я тоже выжил, глядя на тебя!

Лимон. Коньяк в стакане.
В окне луна.
Давай накатим, Саня!
За нас! До дна!

Уснешь – труба разбудит.
Ты дал зарок:
Как скажем, так и будет!
Живем, Санек!

2014

«Кто-то сыпет в бульон специи...»

Кто-то сыпет в бульон специи,
Кто-то в супе сухарь мочит.
Гриша Штульберг живет в Швеции,
Потому что он так хочет.

Гриша в ВУЗе учил формулы,
Здесь, у нас, в те года, прежде,
Он хотел посещать форумы,
На конгрессы хотел ездить.

Он на выезд подал, надо же!
Ох, от злости зрачки сузил,
Ох, и встал на дыбы, на уши
Факультетский актив в вузе!

Вася Зайцев, комсорг, староста,
С вариантом в верха вышел:
«Может, тюкнуть его? Запросто!
Раз – и все! И прощай, Гриша!»

«Мы у дома в долгу отчего! —
Он кричал, – а ведь есть лица,
Что без всяких причин хочут, вон,
Из советской страны смыться!»

Гриша – к девкам, а те – в сторону:
«Ты нам синус чертил, катет,
А теперь, вон, предал Родину!
Мы не любим тебя, хватит!»

Как пчела на стекле мечется,
Клавка – бьет головой в стены:
«Он debil! Вот и пусть лечится!
Сульфазина ему в вену!»

Опер Пнев снаряжал в путь его,
По затылку свистком стучал,
И, как спину хлеща прутьями,
Вслед кричал: «Сионист! Сука!»

«Зверь! Скотина! Фашист! Быдло! —
Клава в бусах, в туфлях стильных
Возле трапа ему выдала, —
Хоть и парень ты наш, сильный!»

...Время – лекарь. Пять лет минуло.
Гриша в гости, в Москву мчится:
«Эй, родные мои, милые,
Я хочу к вам в процесс влиться!»

А на Родине тьма-тьмущая.
Вот товарищ, Смирнов Севка,
По руинам, мотор мучая,
Гришу в гости везет, к девкам.

Чтоб с почетом приезд праздновать,
Чтоб сверкали вокруг очи,
Гриша девкам всего разного
Накупил – раздавать хочет.

Девки, скалясь, глядят в рот ему.
Пляшут, мордами бьют в бубен:
«Ничего, что предал Родину.
Мы твои, мы тебя любим!»

Девки гольфы, носки меряют,
Скачут, шустрые, как мыши:
«Верим в счастье, в вождей веруем,
А еще – больше всех – в Гришу!»

Он в кабаке зарулил с Клавою.
Клава млеет, едва дышит,
Поварешкой икру хакает,
«Молодец, – говорит, – Гриша!»

За окном кореша Клавины
Мерзнут, хором орут хриплым:
«Человек он простой, правильный,
Он нальет нам, и мы выпьем!»

Он налил, он махнул штопором,
Он им закусь – плоды манго —
Дал, и Клавку зовет шепотом
В номера, танцевать танго.

Гриша помнит себя все-таки,
Карандаш, чтоб писать, точит,
Он колготки привез, зонтики.
Он металл покупать хочет.

Заводские спецы – ордами
По веревкам к нему – с крыши!
Водку пьют за успех ведрами,
Заключают контракт с Гришей!

Замы в шляпах из недр шествуют
Строем, важные, как танки:
«Адрес дай, мы хотим в Швецию.
Надо счет открывать в банке!»

Мы тут горе не зря мыкали,
Мы ломаем дверьми пальцы:
Нет люминия, нет никеля,
Но зато есть в костях кальций!

Гриша всем отстегнул поровну,
Он суставом во тьму хрустнул.
И воротит лицо в сторону,
Потому что ему грустно.

Год прошел. Грише груз вешают
На весах, он пинком вышиб
Сто печатей – и в путь, в Швецию,
Хочет плыть. Будь здоров, Гриша!

Месяц скрылся, скользнул ящерицей,
Туча бродит с волной рядом.
Девки в трюме, сто штук, прячутся,
Им в Стокгольм позарез надо!

Не успевшие влезть носятся
Вдоль причала, грызут сваи,
Тянут руки, на борт просятся,
Примоститься хотят с краю!

Ждут, лохматые, как веники,
И горластые, как галки.
Он им центы давал, *пфенниги*,
Девкам жить без него жалко.

Опер Пнев ощутил судорогу,
В пене плещется, как лебедь:
«Референтом хочу к Штульбергу,
За портвейном в продмаг бегать!»

Клава горькой слезой давится:
«Возвращайся скорей, милый,
Корешам моим кайф нравится,
Мне кранты без тебя, вилы!»

По карману, смеясь, хлопает
Вася Зайцев, зампред, шишка:
«Мы в бюджете дыру штопаем.

Есть контакт! Молодец, Гришка!»

Грусть-тоска у ГАИ местного.
Зам по службе в Стокгольм пишет:
«Нам зеленые брать не с кого
Возвращайся скорей, Гриша!»

1992

«Я в загранку плавал, видел праздник, видел волю...»

И вот она пришла, заря свободы.
Я снова здесь – по бизнесу, один.
Залив, туман, прохлада, пароходы.
И мент с усами умный, как дельфин.

Я при деньгах – толкаюсь в райских гущах,
В густых сетях сезонных распродаж!
Чесотка, дрожь в ладонях загребущих.
Иду на «вы», на штурм, на абордаж!

Для жены любимой, для опоры и надежи,
Я за тыщу долларов сюрприз хочу купить —
Что-нибудь на молниях, из меха ли, из кожи,
Чтоб его до старости носить ей не сносить!

Вижу красным бархатом обитые ступени,
Тварь меня кудрявая куда-то волокет,
В зал заводит за руку, а там – стриптиз на сцене,
Бабы пляшут, скачут – вот такой вот переплет!

Они передо мной, как заводные,
Напересменку бюстами трясут,
Нормальные, веселые, простые
Девчата без заскоков и причуд!

Я пиво пил, я вилкой тыкал рака,
Я чью-то руку стряхивал с плеча,
И образ выплывал из полумрака
Родного Тимофея Кузьмича!

Ах, как фигурировала рыжая красавица!
Я гляжу – поддатая, кричу: «Ну, ты даешь!
Ханку жри поменьше, и копыта не отвалятся,
Тоже мне, халтурщики, культуры ни на грош!»

И она бегом ко мне: «Откуда, мол, и кто ты?
Из России? Знаю, там сугробы, там Сибирь,
Там медведей ловят мужики-мордovorоты,
В общем, я люблю тебя, красавец, богатырь!»

Вот мне под нос суют сухие вина:
«Ну что, бокал для дамы? Сей момент!»
Кузьмич учил, но я забыл, дубина,
От пьянства проглотить медикамент!

Официант не баловал закуской,
Но подливал, скотина, во всю прыть:
«Ты русский человек или не русский?
Ну покажи, как ты умеешь пить!»

Рыжая в антракте тихой сапой, левым бортом
Подгребала, шурилась: «Смотри, я вся горю!
Мы поладим, сделай мне мороженого с тортом!
Ну давай, давай, давай, давай еще по стопарю!»

Я от горьких думушек отмахивался кепкой,
Я на всех шампанского поставил сгоряча,
Но во мраке мозга, в мозжечке жила зацепка —
Незабвенный образ Тимофея Кузьмича!

Он говорил: «Свобода – это здорово,
Но вы же, братцы, валенки на вид!
Да здесь любая ушлая оторва
Вас в ноль секунд по киру охмурит!»

Я понимал, собравшись с силой духа:
Хотят сподить, но чтоб не наповал!
Мне рыжая крутила мочку уха,
А бармен ей подмаргивал, кивал.

Он губищи скручивал в недобрую ухмылку,
Я сидел у стойки, как на иглах, на углях,
Наконец додумался: «Почем у вас бутылка?»
«Двести!» «В чем, простите?»
«Уж наверно не в рублях!»

Мне как будто трактором наехали на спину,
Раскрутили, сволочи, шутя, как пацана!
Зелень контрабандную, зашитую в штанину,
Я им честно отдал, не осталось ни хрена!

Я взят врагом, сражен по всей науке!
Чувак за стойкой строг и величав.
Они меня нагрели на три штуки,
Кислятиной шипучей накачав!

Капкан, петля, бермудский треугольник!
И по коврам ступая, как по льду,
Я им на чай швырнул последний столик:
«Знай наших, падлы, я еще приду!»

Я неделю целую почти что не питался,
Рейса ждал обратного под сень родных рябин,
С алкашами, с пьянью на окраинах вращался,

Залезал на пальму: «Эй, Россия, я твой сын!»

Вот супруга с тещею пасут меня, встречают:
«Где подарки?» «Нету...» – по спине мурашки, дрожь.
«Ну чего, как съездил?»
«Все нормально, – отвечаю, —
Город Сан-Франциско удивительно хорош!»

Прошла весна, и лето пролетело.
С двумя братьями еду на Бродвей.
Четвертый нами взят для пользы дела —
С Петровки скромный труженик, старлей,

Чтоб нас берег от нечисти поганой,
Чтоб в рог трубил про шухер и аврал,
Чтоб днем и ночью честно, без обмана
Из-за куста за нами наблюдал!

1994

«Я в кафе после смены считала рубли...»

Я в кафе после смены считала рубли,
Он на «газике» ехал по трассе.
И свистел соловей, и сирени цвели
В день, когда я ему отдалась!

И рябило в глазах от тюльпанов и роз.
Он меня, продавщицу простую,
Полюбил всей душой и в Москву перевез
На Вторую Тверскую-Ямскую.

Он там жил, как умел, с неба звезд не хватал
И с судьбой не вступал в перепалку,
Он тянул свою лямку – металл продавал
Худо-бедно, ни шатко ни валко.

Он однажды лежал на перинах без сил,
По спине меня лапою глядя,
Когда в черных очках в нашу дверь позвонил
Его родич, двоюродный дядя —

Тот, что с ходу врага разнесет в пух и прах, —
Он большая и важная шишка,
Он резервы страны на секретных складах
Сторожит с автоматом под мышкой!

Он бумаги нам дал: «Все нормально, братан, —
Роспись-подпись, лицензия, квота.
Сделай дело, Санек, и себе на карман
Полпроцента возьми с оборота!»

Сашка рожу расправил, расцвел, просиял,
Невзирая на нервные тики,
Он сурьму и свинец на комиссию взял,
И люминий, и *кобаль*, и никель!

Словно счастье само к нам пришло пировать:
Мы на марше, на светлой дороге!
Сашка в Лондон поехал – металл продавать,
И меня прихватил для подмоги.

Мы от трапа до биржи пешком добрались,
Чтобы денег заначить на кашу.
Он все продал «на раз», и деньжищ – завались,
И в отеле три номера – наши!

Сашка мозг подключил: «Ты послушай, Марусь,
Все за нас. Мы придержим добычу —
Я на ценных бумагах волчком крутанусь
И навар в двести раз увеличу».

Он ушанку свою заломил набекрень
И при помощи тонкого нюха
В курсы акций, в какую-то хрень-дребедень
Миллионы казенные вбухал!

Вот неделя прошла, и вторая идет,
Я не верю глазам – Сашка в плюсе!
Он мне утром наливку в постель подает:
«Ну чего? Гутен морген, Маруся!»

Мы сидим у камина, стучим в домино.
Мне достался шестерочный дупель.
Все шикарное здесь – и хрусталь, и вино,
И моллюски, и устрицы в супе!

У меня от фужера на пальце мозоль,
Сашка бровь мне щекочет губою:
«Ты моя королева, а я твой король,
Мы начальники жизни с тобою!»

Вон лакей в панталонах, изящный, как граф,
Перед нами на цирлах елозит,
Он нам русскую кухню с букетом приправ
На колесиках в номер привозит.

И «Зубровка» в стаканы рекою лилась,
И с намазанным хреном на рыле
На серебряном блюде лежал, развалясь,
Поросенок, зажаренный в гриле!

Но уже за окошком злодейка-судьба
Нож точила всерьез, не для виду,
И вдали водосточная выла труба,
Словно пела по нам панихиду!

И в то самое утро, когда мы в лапту,
В волейбол в наших «люксах» играли,
Он газету прочел и глядит в пустоту —
В транс, в «штопоре», в полном провале.

И сквозняк, как стервятник, носился спьяна,
Лез за шиворот, зол и задирист,
И очнулся Санек: «Все, Маруся, хана,
Наши акции в пыль превратились!»

Ох, мне тыкву с резьбы снимет родина-мать,
То бишь маковку на хрен открутит:
Сорок восемь «лимонов» (откуда их взять?)
Я ей должен в зеленой валюте!»

Зайчик солнечный в рюмках крутился, подлец,
И веселые бегали блики,
Будто все там светилось – и медь, и свинец,
И люминий, и *кобаль*, и никель!

И трамвай за окном одинокий визжал,
И к заутрене в колокол били,
И, казалось, смеялся, взхлеб хохотал
Поросенок, зажаренный в гриле!

«Резко вздрогнули, Маня, полундра, аврал!» —
Мне Санек прохрипел в перепонку,
Он манатки мои в чемодан покидал
И свистит, вон, тревожно и звонко.

Я вцепилась в диван изо всех своих сил,
Он мне руки скрутил: «Я – хозяин!»
И меня, как бревно, по коврам покатыл:
«Шутки в сторону, Маня, линияем!»

Мы по «черным» ходам наугад, по прямой
Рвали когти, зверея от пыли,
Мы средь громов и молний под мутной луной
На моторке Ла-Манш переплыли!

Мы, как воры, в бегах, мы до ручки уже
С ним дошли, до последнего края!
Я в Багдаде хожу втихаря в парандже,
Он метлою мечеть убирает.

В расшибалку, в пристенок, в «очко» и в «буру»
Сашка режется с местной шпанюю.
Он от радости скачет, как зверь кенгуру,
Я в подушку по-тихому вою!

У меня от жары, от хлопот и забот
«Крыша» едет конкретно, вчистую!
Я тайком по ночам шью ковер-самолет, —
Пусть он в город родной нас двоих унесет
На Вторую Тверскую-Ямскую...

1998

«Я дело открыл. Сердце ноет, болят виски...»

Я дело открыл. Сердце ноет, болят виски.
Жлобы-амбалы взяли на абордаж,
Один прикладом с меня уронил очки,
Другой потрепал по скуле и сказал: «Ты наш!»

Куда деваться бедному интеллигенту?
Скупаю оптом решетки, замки, засовы.
Мой брат на Брайтоне чахнет, считает центы,
Зато спокоен и трезв. И живой, здоровый.

Я жить хочу, репетирую ближний бой —
Поднял кулак, подбородок прижал к плечу,
И, чтобы держать удар, целый день башкой
О шкаф с разбега стучу, стучу, стучу.

Куда деваться бедному интеллигенту?
Да в бой как раз, если жизнь на лопатки ложит!
Народ меня знает и даже сложил легенду,
Что я кулаком на скаку убиваю лошадь!

А я не хочу никому ничего ломать,
Я с томиком Фета хочу в гамаке дремать.
Хочу под каштаном жену обнимать-ласкать.
Ласкаю. И бронежилет забываю снять.

Я в строки вникал, понимал на линейках ноты:
Жизель-Шекспир, адажио, Шишкин-Пушкин.
Теперь я врагов по кликухам пишу в блокноты,
Я «Байрона» – урку в законе – держу на мушке.

Какой к черту Фет? Я вариться, как гусь, устал
В кипящем котле – в круговерти, в пучине дел.
Мне Вадик Егоров свой сборник в подарок дал,
А я, типа, даже и буквы забыть успел.

Мне вместо зеленых пальм снится злая выюга,
Взамен перелетных птиц – пулеметные ленты.
Мне в Штаты валить не резон – там с деньгами туго.
Куда деваться бедному интеллигенту?

1998

«Я из всех алкоголиков...»

Я из всех алкоголиков
Самый грозный и злой.
До икоты, до коликов
Люди ржут надо мной.

Супом в родичей брызгая —
В гущу, в месиво рыл,
До свинячьего визга я
Во хмелю доходил!

Вот надежда забрезжила,
Вот я в клинику лег.
Мне светило заезжее
Измеряет зрачок.

Сам-то – zenки навывкате,
В волосах – кутерьма.
Говорит: «А реши-ка ты
Теорему Ферма!»

Он развел на ходу меня.
Он окурок догрыз:
«Ну! Вперед! Так задумано!
Отличись! Будет приз!»

Мол, пока не подавишься,
Водку жри задарма!
Будешь цел, если справишься
С теоремой Ферма!

Пульс мне тюкает в темечко:
«Тук-тук-тук, твою мать!
Это тьфу, это семечки —
А плюс Бэ доказать!»

Пьяной мордой ворочаю —
Я могу, я такой!
Мы ребята рабочие,
Мы народ заводской!

Руки-ноги у нас крепки,
Голова – как броня!
Интегралы, как айсберги,
Обступили меня.

Эх, как конь, въехал в тему я,
Эх, полно куражу!
Я «на ты» с теоремой,
Я ее докажу!

Как в бескрайнюю реку я
Наугад сиганул.
Днем и ночью кумекаю!
Мрак! Кошмар! Караул!

Вроде рядом решение!
Черт! Опять упустил!
То ли лох я с рождения,
То ли просто debil!

Я теперь под подушкой
Авторучку держу.
Я с соседкою Ксюшкой
Больше в парк не хожу.

Бог с тобой, что ты, Ксения,
От меня без ума,
У меня отношения
С теоремой Ферма!

Я погряз в геометрии,
Ох, и гнида она!
Ни бельмеса не петрю я,
Не рублю ни хрена!

Я не пью. Я для тонуса
Жгу в потемках свечу.
Пирамиды и конусы
На обоях черчу.

Ночь холодная, черная.
Я от ветра хмельной.
Зинку, тварь подзаборную,
Обхожу стороной.

Синус, тангенс а ну-ка я
Начерчу на снегу!
Пить портвейн с этой сукою
Больше я не могу!

Я, как леший, щетиною
Весь зарос до ушей.
Прочь гоню хворостиною
Дружбанов-алкашей.

Не хочу под бульдозером
С похмельюги храпеть,
А хочу на симпозиум
В самолете лететь!

Я полгода отшельником
Среди формул прожил,
Даже в гости к брательникам
На блины не ходил.

В парке бегаю с бобиком,
Был да сплыл алкоголь!
Я в делении столбиком
На поселке король!

«Запорожец» сверкающий
У меня в гараже.
Не крутой я пока еще,
Но в подкрутке уже!

Не лопух-подмастерие,
Не ходок за вином,
А главбух в бухгалтерии
На заводе родном!

Эх, спляшу-ка «Калинку» я!
Может, я и debil,
Но вдвоем вместе с Зинкою
На мехмат поступил!

Мы в болоте не ползаем,
Быть фуфлом не хотим!
Мы в Париж на симпозиум
В самолете летим!

2004

«Я к нему у стойки подседа...»

Я к нему у стойки подседа:
Извини, подвинься, дружок,
Ты за мною вслед, было дело,
Бегал всем ветрам поперек.

Что-то ты помятый, понурый,
А ведь был красавец, орел,
А ведь окрутил меня, дуру,
И на ровном месте развел.

Помнишь – трень да брень, трали-вали,
Соловьи, луна, юный пыл!
Ах, как мы с тобою гуляли,
Как нас ветер вольный кружил!

Помнишь, ты кивал: все в порядке,
Трезвый, сволочь, был, как стекло,
И меня купил, как перчатки,
Так оно с тех пор и пошло.

Помнишь, как меня до упада
Твой партнер поил, старый черт,
Как ты мне сказал: «Очень надо!»
И отправил с ним на курорт.

Ты у всех парней меня отнял,
Женихов порвал в пух и прах,
А сейчас меня за три сотни
Снимут у тебя на глазах.

Ты опять налил, еле дышишь,
Эк тебя скрутило, браток,
Ты живьем зарыл меня, слышишь?
Да зачем, скажи, да за что?

Кем ты стал, смотри, Боже правый,
Даже не с кем горькую пить!
Где он твой партнер, пень трухлявый?
Мне наш долгий путь не забыть!

Не забыть, как в ночь поезд мчался
И как пол ходил ходуном,
Как в безумном танце метался
Одинокий лист за окном.

Как я, дура, лезла на стенки,
Под откос рвалась на ходу...
Ладно, извини. Время – деньги.
Я вон с тем, пузатым, пойду...

1992

«Я ходил по грибы, разливал на троих...»

Я ходил по грибы, разливал на троих,
Был ударник по выплавке стали,
Водку пил за вождей, я работал на них,
А они из меня кровь сосали!

Я окурочек без фильтра ворочал во рту,
Шуровал в эпицентре завала,
Состоял на виду, на хорошем счету,
Руководство меня уважало.

А потом, когда танки пошли по Москве,
Я броню им царапал гвоздями,
Воздвигал баррикады, сигналил братве:
«Ну-ка, вы, все сюда, со стволами!»

Год прошел, и второй, вот сосед между дел
Мне с балкона стакан переправил.
Пьем за жизнь. Это он тогда в танке сидел,
Это он меня на уши ставил.

Эх, Москва, август месяц, души моей взлет!
А теперь мы с соседом в упадке.
Он по новой поллитру за горло берет, —
«Эй, — кричит мне, — смотри, все в порядке!»

Те же рожи вокруг, тот же самый оскал, —
Урки в штатском, готовые к шмону,
Так зачем же я танк на тебя направлял,
Так зачем ты держал оборону?»

Вот еще один год отвалился, увял.
Я в больнице лежу, в коридоре.
Хворь на сердце наехала, как самосвал,
Нет надежд, помираю от хвори!

Нету света в окне, есть скопление туч.
Вот сосед мне, тот самый, моргает, —
Он здоров, он пришел ко мне праздновать *пучт*,
Он мне кровь перелить предлагает.

Хмырь в халате кирнул и засунул, смеясь,
Под наркоз меня, как в душегубку,
Группу крови соседа прикинул на глаз
И в меня перелил через трубку.

Я очнулся к утру. Группа крови не та,
А сосед скалит зубы, как лошадь,
«Все подошли, – кричит, – а тебе ни черта!
А тебя им слабо уколошить!»

Я лежу. Он кладет мне компресс на хребет,
Пьет портвейн у меня в изголовье.
Он давил меня танком, но он мой сосед,
Мы свои, мы повязаны кровью!

Он щеку и губищу в усмешке кривит,
Он от винных паров веселится:
«Завтра ты меня танками будешь давить,
А потом со мной кровью делиться!»

Кто свои, кто чужие в родимом дому,
Мы не знаем, мы пьем, не кося.
Кто я сам – свой? Чужой? Ни хрена не пойму!
Эх, Расея моя, эх, Расея...

1992

«Мир и в правду очень тесен...»

Мир и в правду очень тесен.
Я в асфальтовый каток
Въехал в лоб на «Мерседесе»,
В гипс попал, на койку лег.

Я, не двигаясь, дурею:
«Эй, заведующий врач,
Ты мне ноги побыстрее
К организму присобачь!»

Затихает сердце, слышь,
Превращается в угли!
Это смерть, когда лежишь.
Доктор, дай мне костыли!

Меня терзает персонал,
И я, любого черта злей,
Еще в наркозе осознал,
Чего им надо от людей!

У медбрата – дым из пасти.
Он кричит мне: «Лапоть, лох,
Это радость, это счастье —
То, что ты еще не сдох!

Твои ломаные грабли
От гангрены не спасти,
А из капельницы капли
Потребляешь – так плати!

Капля – доллар. Сам считай,
Сколько денег в день в ходу.
Скинь их на пол невзначай
Под кровать, а я найду!»

Мне в нос перловку и компот
Со всех сторон силком суют,
«Гони рубли, – кричат, – урод!»
И костылей мне не дают!

Мне впиваются, как гвозди,
Взгляды грозные в глаза.
Нянька, черная от злости,
Жалом водит, как гюрза:

«Дай средства на опохмелку,
На учебу, на семью,
И я тебе согрею грелку
И микстуру в рот налью!»

Я все пропил, я пустой,
Но в постели у меня
Под подушкой в час ночной,
Чья-то шарит пятерня!

У них в ладонях, в пальцах зуд,
Они шипят: «Дыши ровней!»
И, как мешок, меня трясут
И не дают мне костылей!

Их ближайшая задача —
Простыней меня накрыть,
На задворки захреначить
И на полку положить.

Там жмуры, как фон бароны,
Отдыхают, там покой.
Я лежу, как гусь вареный,
И кружатся, как вороны,
Чьи-то рожи надо мной!

Говорят, что пульса нет
И что я – мертвее пня,
Тушат лампу, гасят свет,
Им все ясно про меня!

Профессор, гад, потушил взор,
Махнул рукой: «Хана, капут!»
И на каталке прямо в морг
Меня из лифта волокут!

Я плыву, как на пароме,
Перевозчик хмур, суров:
«То, что ты еще не помер,
Чем докажешь, кроме слов?»

Это дедушка Пахом,
У него бычок во рту,
Он ладонью, как веслом,
Разгребает темноту.

Он из флакона отхлебнул,
Тряхнул седою головой
И мне налил, и вдаль зевнул,

Ему плевать, что я – живой!

Я на пол, вбок валюсь, впотьмах,
Я стойку делаю, держусь,
И на руках, и на руках
По коридору уношусь!

Я бегу, а мне вдогонку
Крик надсадный, словно нож,
Разрывает перепонку:
«Врешь, собака, не уйдешь!»

Нянька белая, как марля,
В грязь готова лечь костыми:
«Денег дай, и все нормально!
Ну хоть цепь с себяними!»

Мчусь за совесть и за страх,
До последней капли сил.
Я умею на руках,
Я в гимнастику ходил!

«Жить стало явно веселей! —
Мне ветер в уши просвистел, —
Ему не дали костылей,
А он ушел, куда хотел!»

И хрип, и топот за спиной,
И враг – в засаде, в стороне,
И темнота вокруг – стеной,
И сила есть, и пульс при мне!

И ни тропы, и ни огня,
К своим шагаю, как в бреду,
И там не спят, там ждут меня,
И я дойду, и я дойду,
И я дойду, и я дойду!

1994

«Мы с супругою Марусей дом задумали построить...»

Мы с супругою Марусей дом задумали построить,
Мы вложили сбереженья, чтобы прибыль наварить.
Нам структуры обещали в десять раз доход утроить,
А потом его по новой в двадцать раз учетверить!

Год проплелся, как колхозная кобыла.
Вот мы приняли по стопке ровно в пять!
Это утро новой жизни наступило,
Можно выручку с наваром изымать!

Я постригся и побрился, на рубахе вывел пятна,
Я костюм надел – ей-богу, в первый раз за десять лет,
В банк пришел – к окошку, к стойке: «Братцы, вклад хочу обратно,
—
Плюс проценты – *дивиденты!* Вот мешок мой, вот пакет!»

А у них на стенках – графики, расчеты,
А на лицах – безмятежность, благодать:
«Отвали, моя черешня, мы банкроты.
Мы не можем ничего тебе отдать!»

Что ж, облом. Бывает, ладно. У меня в восьми конторах
Деньги крутятся – все выверено, распределено!
Я бегом через дорогу – наводить там страх и шорох.
Офис. Очередь. Ограда. Страшно. Холодно. Темно.

А из окон – автоматы, пулеметы,
А из двери голос мрачен и тяжел:
«Ты чего, козел, не видишь, мы банкроты,
Нет денег и не будет. Прочь пошел!»

Я – в сберкассе – на трамвае. Я там тоже обозначен,
Мне очкастая мегера огласила результат,
Я услышал и затрясся, стал горбатым и незрячим!
«Я вам смерть устрою, суки, от патронов и гранат!»

Я как будто в единицах – в литрах пива —
Двести кружек им оставил на счету,
А назад беру одну и с недоливом.
Все на ветер, все сквозь пальцы, в пустоту!

У меня болезнь случилась – белка – белая горячка.
Я глаза залил сивухой, взял бульдозер напрокат,
Со двора на них наехал, мне полтинников полпачки
С перепугу отстегнули. «Больше нету», – говорят.

Мы с супругою прикинули потери.
Мы в обнимку вместе встретили рассвет.
«Ты прости меня, Маруся, я им верил,
А они мне – хрен на рыло, и привет!»

Мы шампанское достали, яйца чистим на газету,
Мы стаканы ставим на пол, дальше думаем, как жить:
Стены голые. Разруха. И не сядешь – стульев нету!
Мы тогда их все продали, чтобы в выручку вложить.

Нас сосед вторые сутки спиртом поит,
Он пожар в душе не в силах усмирить, —
Место знает, где удвоить и утроить
Сумму денег, а потом увосьмерить!

Из-под плинтуса последнюю заначку
Мы с Марусею, рыдая, достаем.
Мы к соседу приближаемся враскачку,
Он ведет нас за собой. И мы идем...

2001

«Нету прав у меня, и талон – три недели – просрочен...»

Нету прав у меня, и талон – три недели – просрочен,
Я к тому же нетрезв, я для Алки фиалки везу.
«Мусора» мельтешат среди ночи в кустах у обочин,
Встали. Ждут. Наготове свистки и стволы на весу.

Они хотят денег, им надо дать в лапу.
Но я «лимон» ровно уже другим дал.
И я лечу мимо. Эй ты, старлей, лапоть,
Уйди с пути. Скользко! И мне проспект мал!

Я «сто сорок» иду, и вдогонку, по свежему следу, —
Кавалькада – сирены, мигалки сквозь дождь напролом!
Только ход не сбавлять! Я до Алки своей не доеду,
Если их в дураках не оставлю за первым углом.

Они хотят денег! И я кричу: «Звери!
Да вам давно надо воткнуть в капот флаг,
Где кости крест-накрест и посреди – череп!»
А мне платить нечем, и, значит, я – враг!

Я ныряю под мост, а у насыпи – черные тени,
Это в кожаных куртках ОМОН мне сигналист: «Стоять!»
Ухожу во дворы, бью бордюры, считаю ступени,
А они без колес. Это значит, что будут стрелять!

Они дела знают. Они ребят ловят,
Они ко мне тянут ручищи сквозь тьму.
Сегодня им скучно. Они хотят крови,
А я хочу Алку. И я на газ жму!

Переулок. Пустырь. Поворот. Вот из сумрака вырос
Честный фраер – фонарь, свет пролил на меня мусорам.
Ты же, сволочь, сто лет не горел, что с тобой приключилось?
Хватит! Фазу руби! Я конторе на лапу не дам!

Все. Бензина ни капли. Конец. Я повязан. Достали!
Но в «лопатнике» тоже, хоть падай, хоть плачь, ни хрена!
Закусь, курево взяли, фиалки – и те отобрали,
Пнули бампер ботинком. Ушли. Я один. Тишина.

И мне пешком к цели, вот там, в саду, в парке
Шагать, углы резать, петлять среди пней.
У них у всех – «пушки», у них у всех палки.
А у меня Алка. И я иду к ней...

1993

«Ночь. Мы одни в палате, как в могиле...»

Ночь. Мы одни в палате, как в могиле.
Спит мертвым сном охрана на постах.
Друг подышал, пока мы водку пили,
В рай тихо плыл с улыбкой на устах.

Нас восемь рыл. Мы восемь литров съели.
Дурик в пенсне сказал: «Хана! Капут!
Кайф у врачей, качели-карусели —
С Сашкой, ментом. Они к нам не придут!»

Гришка стакан за пазуху упрятал, —
Красный, кривой, безумный шурит глаз:
«Полный вперед! Лечи его, ребята!
Если не мы, то кто заместо нас?»

Дрозд за окном среди скрипучих сосен
Пел, а у нас беда справляла бал.
«Друг – среди нас. И мы его не бросим! —
Хроник Колян со стула прокричал, —

Не потерплю, не дам козлам поганым
Брата, бойца оттарабанить в морг!
Нет, никогда коллегу, корефана
Смерть не возьмет на понт и на измор!»

Мы на него насели всей палатой.
Чайный экстракт, глюкозу, люминал,
Кальций и хлор, сульфаты, блин, нитраты
Друг с наших рук глотал, глотал, глотал!

Васька, хохол, горилки ему с перцем
Ввел двести грамм – в артерию шприцом,
Шнур отодрал от лампы и сквозь сердце
Ток пропустил: «Товарищ, все путем!

Тост номер раз: за то, чтоб ты не помер,
Чтоб за любовь хмельное пил вино!»
...Друг подышал под капельницей в коме.
Свет не горел, и дождь стучал в окно.

Финиш. Причал. Швартовка на тот берег.
Жизнь – на нуле, а смерти – пруд пруди!
Петька в слезах петлю отгрыз от двери:
«Мы победим! Братан, не уходи!»

Он проскрипел протезом необутым
Вальс про любовь, и к телу, вон, к ушам
Шланг прикрепил: «Вранье, что все там будем!
Друг, шевелись, и ты не будешь там!»

Он стрептоцид на грудь ему насыпал, —
Жила змеей забилась возле лба.
В горле, в груди пошли сухие хрипы,
Пульс проступил, и дрогнула губа!

Друг взял стакан, просунул палец в прорезь —
Сквозь простыню – рефлекс тренировать:
«Пью за людей, за то, что вы боролись —
Чтоб нам всегда бороться, побеждать!»

...Вот – новый гость в каталке, у порога.
Утро. Подъем. Медсестры в медный таз
Бьют молотком: «Братишки, ради бога!
Черт вас дери! Спасайте, на подмогу!
Если не вы, то кто заместо вас?!»

1998

«Я сегодня интим заказала заранее...»

Я сегодня интим заказала заранее.
Он обязан, собравшись с остатками сил,
Уделить на меня хоть частицу внимания,
Ну давай, уделяй, что ж ты zenки залил?

Он теперь бизнесмен, а ведь был классным шофером,
Мне подарки из рейсов в мешках доставлял.
Он сидит вон, бузит, коньяку хочет с кофею
И кричит мне, зараза: «Маруся, аврал!»

Я ему: «Дорогой!», он: «Молчи-ка ты в тряпочку!»
И махает мне тапком, не ставит ни в грош,
Будто я для него насекомая бабочка:
«Дай баланс дочитать, ну чего пристаешь?»

Он сейчас будет трубку терзать телефонную,
Я уже к ней ревную, как к бабе живой.
Я ему тычусь в спину, как в стену бетонную:
«Да очнись же ты, черт, я твоя, я с тобой!»

Я смотрела кино, как графья обращаются
С контингентом графинь – все «мерси» да «бонжур»,
На каретах в обнимку по рощам катаются,
И притом у них с деньгами полный ажур.

Я страдаю от снов, от навязчивой мании.
Я хочу, чтоб он трезвый, на фоне зари
Уделил на меня хоть частицу внимания!
Ну давай, уделяй, черт тебя подери!

Я хочу с ним закат наблюдать под березами,
Чтобы все щебетало и ветер сквозил,
Чтоб душа наполнялася сладкими грезами,
Ну иди сюда, гад, что ж ты zenки залил!

1990

«Прощайте, друзья по оружию...»

Прощайте, друзья по оружию!
Я еду из Белых Столбов —
С Наташкой налаживать дружбу,
Имея прицел на любовь.

Она мне, пропащему, рада,
Я психом там был, чтоб не сесть,
Мы ложками бились за правду,
За совесть, свободу и честь.

Наташа разводит дебаты,
Метет с непривычки пургу:
«В начальство иди, в депутаты!»,
И я отвечаю: «Угу!»

По первой программе – парламент,
Друзья на помине легки:
И бабы, как галки, горланят,
И горло дерут мужики.

С наушником, с проводом в ухе,
Мой кореш базарит – Федот,
Да он же со мной на спецухе
В дурдоме трубил прошлый год!

Наташка шипит, словно кобра,
Впивается взглядом в экран
И локоть сует мне под ребра:
«Ты лучше, чем этот баран!»

...Я взял у братвы на раскрутку
«Лимон», и еще полтора,
В шалман заглянул на минутку:
«Гуд бай! – говорю, – фраера!»

И вот, как кремлевские звезды,
Глаза у Наташки горят.
Я в деле. Я партию создал.
Сам черт мне, в натуре, не брат.

Я принял сто грамм для отваги,
Я косы Наташке заплел.
Я план начертил на бумаге
И в бой без оглядки пошел.

Я в область по первому снегу
Цистерну «Столичной» привез,
С разбегу залез на телегу
И речь в микрофон произнес:

«Я вам закрома и сусеки
Наполню едой и питьем,
Здесь будут молочные реки,
А также пивной водоем!»

На фоне берез и заката
Я в кепке, как Ленин, стою:
«Товарищи, братья, ребята,
Я счастья для вас накую!

Я дам вам и хлеба, и чаю,
И коням насыплю овса,
Ответственно вас призываю
Отдать за меня голоса!»

И вот, чертыхаясь с похмелья,
Подходит угрюмый народ
И мной привезенное зелье
Ковшами, кастрюлями пьет.

Ударникам – доза двойная!
Они из канав, из-под свай,
Усы рукавом вытирая,
Кричат мне: «Добавку давай!»,

А после, от пуза насытись,
Меня лобызают, а я:
«Вот здесь, – говорю, распишитесь, —
Мои дорогие друзья!»

Народ мне желает успеха,
Сует полевые цветы:
«Из центра до нас не доехал
Никто, никогда, только ты!»

Девчата, устав от «Столичной»,
Орехи грызут у плетня:
«Смотрите, а он симпатичный!»
И ловят за шкурку меня.

Пока я с какой-то заразой
Вкушаю тепло и уют,
Груженные водкой КаМаЗы
В соседние села идут.

И вот, одурев от изжоги,
Кривя половину губы,
Домой по Смоленской дороге
Я еду, считаю столбы.

Семь штук насчитал, даже восемь,
И вот я – в родимых краях,
Как лошадь, груженная возом,
К Наташке приполз на бровях.

Пока я смеюсь до упада
И пью за страну, за народ,
Наташка моя куда надо
Листы подписные несет.

И вот результат – все в ажуре,
Я выиграл, победа за мной!
Я в стену, в бетон со всей дури
От радости бьюсь головой!

Как граф, вон, уже, разодетый,
В хоромы иду заседать,
И галстук на мне, и штиблеты,
Привет тебе, родина-мать!

На крыльях готовый летать я,
А рядом гурьбой тут и там
Мои дорогие собратья
По мраморным ходят полам.

По кругу гуляют, как пони,
Во всей депутатской красе,
Не каждый тут – урка в законе,
И психи, конечно, не все.

Но вон за колонной, у елки
Чинариком тихо смолит
Браток мой, Матвей Перепелкин,
Причесан, помыт и побрит.

У нас с ним – стремление к цели
В извилинах, клетках, костях,
Мы в «Кащенко» вместе шизели,
Мы с ним гнали дуру в «Серпах».

А вот мой сосед по этапу,
Колюня по кличке Барбос,
Шестерке башляет на лапу,

Чтоб водки в графине принес.

Сержанта доводим до сути:
«Расклад на сегодня простой.
Мы кто? Мы вершители судеб!
А ты – хренота хренотой!»

Мы пишем любимому куму,
Он смотрит нас в телеке, пьянь:
«Ты видишь? Мы выбраны в Думу!
Поди нас, паскуда, достань!»

В буфете сидим в перерыве,
Как люди, за круглым столом,
Жуем авокадо и киви
И сок ананасовый пьем.

Федот не спеша подгребают
Со взносом от общей казны,
Фарфоровой фиксой сверкает,
Смеется: «Привет, пацаны!»

Он пьет из горла за победу,
В салат окунает мурло:
«Никак, если честно, не въеду,
Куда это нас занесло!»

Степан из курилки вылазит,
Он мастер, умелец, мастак
Налаживать тесные связи,
Учет и контроль на местах.

Он письма читает. Нам пишут
Отряды удельных вельмож,
Им всем депутатскую «крышу»
На блюдечке вынь да положи!»

Он хочет очерчивать контур,
Искать путеводную нить,
Чтоб нам без базара, без понту
По совести все поделить.

И вот он тасует колоду,
Он гений, талант, голова, —
Ростов, Минеральные Воды,
Алтай на кону и Тува,

И прочие дальние дали,
И Питер, и Псков, и Байкал —

Мы все меж собой разыграли,
За дружбу подняли бокал!

И в тесном кругу, не для прессы,
На карте рисуем флажки,
Взаимно блюдем интересы
Залетным ветрам вопреки.

Федот философией занят:
«Урал от меня далеко —
Стоит, как стоял, и не знает,
Что я его выиграл в очко!»

Я буду запасы из недров
Черпать, как из черной дыры,
И млеть от души среди кедров
С хозяйкою Медной горы!»

Федоту – все сливки и сгустки,
А мне – ни туды, ни сюды
С верховьями Нижней Тунгуски
И краем Курильской гряды!

Но вот мне Колюня на шару
От щедрой души отстегнул
Целинных земель два гектара
И Волгу, и Крым на разгул!

И не было жизни счастливой,
И времени нет веселей!
В буфете сидим в перерыве
И пьем за страну, за людей!

Вот я до Наташки дорвался,
У ней катаклизмы в мозгу:
«Чтоб завтра же, гад, отыгрался!»
И я отвечаю: «Угу!»

В глазах ее сонных, зеленых
Лукавый горит огонек.
Она королей мне крапленых
Сто штук заготовила впрок.

Она их в рукав мне, зевая,
Зашила, чтоб было чем крыть:
«И чтоб без Приморского края
Обратно не смел приходить!»

Мы вместе с тобою в два счета

Согнем, кого надо, в дугу!
Ты птица большого полета!
И я отвечаю: «Угу»...

1995

«Путь держу от угла до угла я...»

Путь держу от угла до угла я
Взад-вперед, без конца и без края.
Из-за синих морей на минуту домой
Я вернулся, и город – любимый, родной
Знать меня не желает.

Он в туман завернулся, как в шубу,
И дожди, палачи-душегубы,
И траву, и цветы обкарнали под ноль,
И кривая луна, перекатная голь,
Из-за туч скалит зубы.

Вот и дом мой, убогий и сырый.
И чердачные черные дыры
Все живое вгоняют в тоску и озноб,
И в углах сквозняки завывают захлеб —
Проходимцы, проныры.

Что-то пьяное, подлое, злое
Прячет нож под дырявой полою,
И сосед мой, зубами стуча, как скелет,
Мне с балкона кричит: «Вам конец! Ваших нет!
Разбежались без боя...»

Сброд послушный, поганая свора —
Доходяги, сморчки-мухоморы
Осеняют стаканом меня, как крестом.
«Ты на них нас оставил, – вздыхает мой дом, —
Вот и все разговоры».

Ветер лоб мой целует и студит.
Я верчусь, как дурак: где тут люди?
И туман лезет в окна, как в головы бред.
И стаканы звенят. Вижу сам – наших нет.
Наших нет и не будет.

Мне перила ладони ласкают.
Прочь тащусь, и бреду, и петляю,
И опять из небесных неведомых нор
Дождь выходит, вихляясь, как пьяный танцор,
И следы, вон, мои превращает в нули,
И любимый, родной, лучший город земли
Знать меня не желает...

«Пьяный кто? Кто водку пьет...»

Пьяный кто? Кто водку пьет
И башку на лавку ложит,
Ему ворон глаз клюет,
А он «кыш!» сказать не может,

В лужу рухнул – и каюк!
Мы не водимся с такими,
Нам завод – отец и друг,
Металлурги – наше имя!

Греть бы горло кофейком,
Да куда там – хрен на рыло!
Жизнь железным каблуком
Нас к асфальту придавила,

Развернулась во всю прыть,
С разворота бьет наотмашь,
Заграбастать, проглотить
Хочет враг родной завод наш!

Вьюга воеет, как шакал,
Черный дым лохмат, как веник!
Раньше акции давал
Нам завод вместо денег.

«Мусор, фантики, фуфло», —
Мы их звали, и поди ты —
К нам посланцев занесло
От финансовой элиты!

Крыша едет, хоть убей, —
Нас в заводоуправленье
Пригласили, как людей,
На фуршет, на угощенье.

Там жуют уже салат
Воротилы и деляги,
Что скупать у нас хотят
Наши ценные бумаги.

Нам рисует наш процент
В перстнях бык бритоголовый —
Типа как бы референт
От хозяев держит слово.

Мол, не будет ваш завод
Бедной золушкой, изгоем,
Мы повысим оборот,
Мы рентабельность утроим!

Он кромсает огурцы,
Морщит хмурое хлебало:
«Выше голову, творцы
Раскаленного металла!»

И с печатью, тут как тут,
На какой-то, типа, справке
Расписаться нам дают
Две очкастых шмакодявки!

Бригадиры, мастера —
Мы сидим и водку хлещем,
Нам главбух кричит: «Ура!
Будем жить! Кредит обещан!

Словно райские сады,
Будут домны плодоносить,
Будет круто, без балды,
Надо делать, чего просят!»

Громяхают костыли.
Нас согнали, как баранов.
Вот добавку принесли —
По сто грамм для ветеранов:

Мол, куда там, кто, зачем
Свои акции заначил?
Мол, еще перцовки тем,
Кто коньяк не дохреначил!

Против жира, полноты
Девкам дарят витамины:
«Ишь, ты, лютики-цветы,
Незабудки, блин, жасмины!»

Брага льется из бадьи,
И где надо, в ходе пьянки,
Ставят подписи свои
Молодые заводчанки!

Вот еще по пятьдесят
Под грибочки и селедку!
Флейты, скрипочки звенят,
И охрана бьет чечетку!

Чашки-кружки кувырком,
Потолок дрожит от пляски!
Зам по сбыту под столом
Пьет «Шампанское» из каски!

И гармошка, вон, визжит,
Словно баба на базаре,
И гульба вокруг кипит!
И главбух в углу кемарит.

Эх, живем, душа поет!
Есть сомненья – рви их с корнем!
...Как мы пропили завод,
Мы теперь уж и не помним.

Жизнь пошла не в склад, не в лад,
Нас овчарки охраняют,
Нас по-черному гнобят,
Лупят, тюкают, пинают.

Мы глазенки тихо трем
С перепоею полотенцем,
А в башке у нас волчком
Слово крутится – «Освенцим».

Раньше грохнешься в кювет —
Всей бригадой похмеляют,
А теперь и денег нет,
И работать заставляют!

День и ночь труба зовет,
Воет волком в оба уха,
Зря мы пропили завод,
Зря послушали главбуха!

У него от Бога дар,
Он развел нас всех не слабо,
Он имеет гонорар —
Дивиденды в виде бабок.

Он хороший человек,
Он, когда их получает,
Нас – друзей своих, коллег —
Пивом с воблой угощает!

2004

«Слякоть, сумерки, талый снег...»

Слякоть, сумерки, талый снег.
Вот от нас от всех в теплый край
Укатила Олька навек.
Эй, Серега, друг, наливай!

Олька нам махала платком:
«Как мне быть-то, братцы, когда
Все зима, зима за окном,
Все беда, беда и беда».

Старый дом заснул под дождем.
Во дворе пустом ни души.
Олька, где ты, мы тебя ждем,
Отзовись, ответь, напиши!

В ледяной промозглой ночи
Черный ворон чертит круги.
Ольки нет. Кричи, не кричи.
Нет людей. Господь, помоги!

Мы с Серегой горькую пьем,
Дом родной угрюм, как тюрьма.
Все беда, беда за окном.
Все зима, зима да зима...

1998

«Тучи бродят хороводом зловещим...»

Тучи бродят хороводом зловещим
Над природой, над погасшим костром.
Мы на бревнышке сидим, водку хлещем,
Коротаем жизни срок под кустом.

Вариации на вольные темы
Мы пропели. Голос был, больше нет.
Отцвели ко всем чертям хризантемы,
И Кирюха повалился в кювет!

Девки сгрудились вдали за рекою —
Машут, прыгают, зовут для гульбы.
Мы вздыхаем – не пойдем, что такое?
Мы спокойны. Мы молчим, как дубы.

Девки поняли расклад, перестали
Понапрасну нам сигналить подъем.
Мы работали весь день, мы устали,
Мы на бревнышке сидим, водку пьем!

Спал Сережка, но засек глазом зорким:
Девки ожили на том берегу,
К ним какой-то гад плывет на моторке,
И еще один – верхом на кругу!

Это что же нам, вообще нет просвета?
Есть просвет! И есть разбег, чтоб нырять,
И Кирюха, вон, восстал из кювета:
Посошок! Прыжок! Догнать! Перегнать!

Волны. Ветер-весельчак ржет, как лошадь,
И моторка, вон, уже за спиной!
Девки бегают, кричат, бьют в ладоши,
К девкам лезет на причал парень Гоша —
Весь в наколках, словно челн расписной!

И Кирюха, пучеглазый, как рыба,
Бьет руками по песку что есть сил:
«Девки, милые мои, всем спасибо!
Я моторку обогнал, я доплыл!»

И Сережка, хохоча до упада,
Гладит девок, он кураж приобрел:
«Я ведь плавать не умел, вот досада,
Но ведь я до вас достиг, это ж надо!

Посмотрите на меня, я орел!»

Пьем, гуляем! Хорошо! Все тут наше —
Лес и поле, весь пейзаж, вся река!
...Если девки с того берега машут,
Надо плыть и не валять дурака!

1990

Раздел II

В следующем разделе – песни, посвященные моим друзьям-спортсменам, с кем я или соревновался, или играл за одну команду, или кем просто восхищался со стороны.

С семи лет я регулярно занимаюсь спортом и до сих пор не могу остановиться. В детстве это были футбол, волейбол, легкая атлетика, бокс, велосипед...

С 1979 г. занимаюсь, иногда с большими перерывами, гребным слаломом – сложным и красивым видом спорта: в потоке бурной воды висят ворота, которые надо пройти, не задев вешек, как можно быстрее – у кого минимальное время прохождения и минимальный штраф, тот и выиграл. Профессиональным спортсменом я никогда не был, но за сборную Москвы на чемпионатах и кубках СССР в 1980–1988 гг. выступал, и двух- или трехнедельных сборов с ежедневными двухразовыми (иногда трехразовыми) тренировками в моей жизни было немало. Рядом со мной были уникальные таланты, уникальные ребята, со многими до сих пор дружу, мы помним наш спорт тех лет – экстремальный, честный, бескорыстный; мы были молоды и счастливы, этим людям я и посвящаю второй раздел книги.

В нем же – песни о «смежном» виде спорта, которым мы много лет занимались, – это спортивный сплав по горным рекам высшей категории сложности, где нет ни ворот, ни очков, ни секунд, где задача – пройти на катамаране (каяке, каноэ, двухместной байдарке...) маршрут от точки А до точки Б. Это я объяснил особенности текстового содержания второго раздела.

«Бежим полсотни. Я в отрыв без дураков...»

Бежим полсотни. Я в отрыв без дураков
Ушел со старта по накатанной лыжне.
Мне ветра посвист – как победы вечный зов,
Я от народа, от собратьев в стороне.

Они к медалям наострили лыжи,
Им надо жить, им надо денег и призов,
А я соперника не вижу, я соперника не вижу,
Качусь под горку, как трамвай без тормозов!

Да, я настроен всех разделать в прах и пух,
А им ломаться на подъеме – смерть, беда!
Они пыхтят, как паровозы: «Чух-чух-чух!»,
А я в отрыве: «Эй, счастливо, господа!»

Они за мною шлют вдогонку для престижу
Смирнова Ваську – восходящую звезду,
А я соперника не вижу, я соперника не вижу,
Да я уже, вон, засыпаю на ходу!

Ах, как я вкалывал на сборах, как пахал,
Пока он с бабами в беседке водку пил,
Я бегал кроссы, я под штангой подышал,
А он под шланга шарил, сволочь, под колхоз косил!

Он режет угол за пригорком, черт бесстыжий,
Ишь, кровь из носа, захотел меня достать!
Но я рванул, и он отстал, и я соперника не вижу,
Одни сугробы, елки, палки, тишь да гладь.

И вот я первый, только где он, тот один,
Чтоб руки-ноги не хотел держать в узде,
Чтоб он мне крикнул: «Прочь с дороги, сукин сын!»
И чтоб победу рвал зубами – где он, где?

Вон, юниорши понеслись, как антилопы,
Смотрю на лица: страсть, порыв, огонь, оскал!
У них борьба, и, значит, быть рекордам мира и Европы,
А я опять на «двойку с плюсом» пробежал!

Я пьедестал топчу, и рядом, чуть пониже —
Второй, чуть жив, и третий, Васька-обормот.
Я им привез по семь минут, и я соперника не вижу
Который раз, который день, который год.

Вон, главный спонсор, как верблюд, воротит морду
И, от досады пьяный, злой, в метель плюет.
Он мне заказывал рекорд, но нет рекорда
Который раз, который день, который год...

1987

«В работе, в труде я упрям, как баран, как боров...»

Песня посвящена моим друзьям-спортсменам, выигрывавшим соревнования в далекие советские годы, несмотря на все трудности той поры.

В работе, в труде я упрям, как баран, как боров.
Я в спорте герой. Я за шкирку поймал судьбу.
Я к другу на свадьбу сбежал на три дня со сборов,
Гуляй – не хочу! Аж глаза до сих пор на лбу!

Я пил, как и все, от кого-то зачем-то драпал,
За кем-то гонялся, а после в обратный путь
Меня провожали, и Леха, жених, у трапа
Налил посошок мне: «Езжай и в призерах будь!»

Я в первый пробился ряд.
Я выиграть медаль могу!
В Европе – чемпионат.
Я тыщу пятьсот бегу.

Я – русский спортсмен!

До Лондона рейс. Мой сосед – мужичок не хилый,
Он в черных очках, с бородой, мускулист, плечист,
Я выпить ему предложил. Он, мрачней могилы,
Сидит и молчит. Я решил, что он террорист.

Террор – это жесть! Я к пилотам его в кабину,
Скрутив, приволок: «Он нас всех подзорвет к чертям!»
В кабине сказали: «Иди и проспись, дубина!»
И сдали меня на земле под арест властям.

Мне в нос протокол совать
И пальцы катать должны.
По ходу, им всем плевать,
Что я чемпион страны!

Я – русский спортсмен!

Я в ухо констеблю дал, я к дверям прорвался,
Мне ветер веселый и вольный башку вскружил,
Я ночью к своим по лесам, по оврагам мчался.
Эх, черт! Я мениск надорвал, повредил ахилл!

И вот наш отель. Я с какой-то красоткой в баре
На автопилоте махнул коньяку стакан!

Пока нам шеф-повар на кухне бифштексы жарил,
Я с ней у окна за портьерой крутил роман!

Я завтра пойду на риск,
Рвану из последних сил!
Ах, если б не мой мениск,
Ах, если б не мой ахилл!

Я – русский спортсмен!

...Я вышел на старт. Вот уперлись шипы в колодки.
Я, в общем-то, трезв, я нашупал стезю свою —
Всегда побеждать, а у тренера – сказ короткий:
«Не выиграешь, сволочь, пеняй на себя, убью!»

Пошло! Понеслось! Первый круг – все не так уж плохо.
Дыхалка при мне. Скоро финиш. Рывок! Пора!
Еще и еще! За страну, за ребят, за Леху!
Я выиграл! Свершилось! Победа! Я жив! Ура!

Мне тренер накроет стол.
Он верит в мою звезду.
Я первым опять пришел.
Я выиграл. Я денег жду.

И мне скоро вновь бежать.
Он руку трясет мою:
«Ты должен их всех порвать.
Не выиграешь, гад, убью!»

Я – русский спортсмен!
Я – русский спортсмен!
Я – русский спортсмен!

2015

«Греби, кто хочет, по прямой, где тишь да гладь...»

Греби, кто хочет, по прямой, где тишь да гладь,
А это слалом, это бурная вода!
Ты в травмах по уши увяз, тебе плевать,
Ты стартовал! Тебя списали навсегда!

И все же нет с тобою сладу,
Когда ты трезвый, как стекло!
Крутись, вертись, держись, не падай,
Ты чемпион, а не фуфло!

И ты гребешь до слепоты, до рваных жил!
Твои соперники с тебя не сводят глаз!
Ты ветеран, но каждый помнит, кем ты был!
Твой план, твой путь – победа, кубок! Здесь! Сейчас!

Они сильны! Порви их к черту!
В кипящий вал вонзи весло!
Ты не отстой, а мастер спорта!
Ты чемпион, а не фуфло!

Вода ревет, по морде лупит наповал,
И на тебя, рассыпав кудри на ветру,
Блондинка с берега глазеет сквозь бокал,
Ты зол и резок, ей такие по нутру!

И ты уйдешь сегодня с нею,
Пожаром страсти опален.
Ты победил! Ты всех сильнее!
Ты чемпион! Ты чемпион!

2001

«Два вожатых, физрук, даже повар за них играют...»

Два вожатых, физрук, даже повар за них играют —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.